

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

Кафедра филологии

Репрезентация эмоций в русской фразеологии

**Дипломная работа студента
заочной формы обучения
направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
5 курса группы 02031151
Клюйко Федора Сергеевича**

**Научный руководитель –
д.ф.н., профессор Кошарная С.А.**

Белгород 2017

Содержание

Введение	3
Глава 1. ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ФАКТ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ	
1.1. Лингвокультурологический аспект фразеологии.....	7
1.2. Специфика отражения в семантике фразеологизма чувств и эмоций.....	16
1.3. Эмоциональный фразеологизм как объект лингвокультурологии.....	25
Глава 2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	
2.1. Представления о счастье и горе как эмоциональные доминанты картины мира.....	33
2.2. Фразеологизмы с положительной эмоциональной коннотацией.....	38
2.3. Фразеологизмы с отрицательной эмоциональной коннотацией.....	43
2.4. Многозначные эмоциональные фразеологизмы.....	50
Заключение	57
Список литературы.....	62
Список источников и словарей.....	66

Введение

Фразеология русского языка давно стала одним из ключевых объектов описания филологов, начиная с трудов И.И. Срезневского, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, идеи которых продолжили и развили Д.Н. Ушаков, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов и другие исследователи. На сегодняшний день в этой области написано немало работ, как общетеоретических, так и специальных, в которых решаются те или иные частные вопросы фразеологии русского языка (вопрос о внутренней форме фразеологизмов (Н.Ф.Алефиренко и др.), об их этнокультурной «отмеченности» (В.А. Маслова и др.), об объеме и составе фразеологизмов русского языка (работы В.Н. Телии и представителей основанной ею фразеологической школы др.) и т.д.

Сегодня количество статей, книг, диссертаций, посвященных вопросам фразеологии, исчисляется сотнями, но интерес к этой области языка не ослабевает. Безусловно, русская фразеология как совокупность всех устойчивых выражений языка (а согласно мнению В.Н. Телии, и всего паремиологического фонда, который она также рассматривала внутри фразеологического пространства) – это слишком обширный объект исследования для отдельной работы, поэтому при выборе направления исследования мы остановились на ограниченном круге фразеологизмов – фразеологизмах, назначением которых является передача эмоциональных реакций человека.

Таким образом, в данной работе мы рассматриваем один из аспектов изучения фразеологии – в контексте отражения во фраземе эмоционального содержания.

Исходя из этого мы позволили себе ввести в качестве рабочего термина понятие *эмоциональный фразеологизм*, то есть фразеологизм, прежде всего нацеленный на передачу эмоционально-экспрессивного, оценочного содержательного компонента.

При этом мы исходим из традиционного, широкого понимания фразеологии, включая в систему фразеологизмов и пословицы, поговорки, хотя

следует отметить, что сегодня наметилась тенденция к разграничению собственно фразеологизмов – идиоматических выражений, равных слову, – и паремий – пословиц и поговорок. Такой подход, в частности, отражен в работах Н.Н. Семененко, Г.М. Шипицыной и др., в которых данное разграничение является принципиально важным для строго научного анализа. Однако в контексте нашего исследования разграничение фразем и паремий непринципиально, так как и те, и другие рассматриваются нами в контексте общего «признака»: и те, и другие несут в себе эмоциональное содержание, поэтому мы опираемся здесь на широкое понимание фразеологии, постулируемое в работах В.Н. Телии.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что, несмотря на традиционность исследования эмоционально-экспрессивного – эмотивного – компонента значения слов, выявление данного компонента для фразеологических единиц обладает своей спецификой и представляет несомненный интерес в контексте активно развивающихся сегодня направлений лингвистики – лингвокультурологии, когнитивистики, психолингвистики, обогащая указанные дисциплины новыми данными, полученными на фразеологическом материале.

Рассмотрение в этом ключе фразеологии по большей части не становилось предметом специальных исследований. Исключением являются работы уже названной нами В.Н. Телии, в которых, наряду с прочими особенностями, анализируется прагматика фразеологизмов.

Цель нашего исследования – выявление структурно-семантических особенностей фразеологизмов, нацеленных прежде всего на передачу эмоционального состояния человека.

Избрав в качестве **объекта** исследования эмоционально «нагруженные» фразеологизмы, мы изучили их с точки зрения выявления их структурно-семантических особенностей, что и стало **предметом** нашего исследования.

В соответствии с целью, объектом и предметом исследования, в работе решаются следующие **задачи**:

1. изучить литературу по проблеме;
2. посредством сплошной выборки собрать фактический материал исследования;
3. классифицировать фразеологизмы с точки зрения передачи ими передачи конкретного эмотивного содержания;
4. выявить структурно-семантические особенности эмоциональных фразеологизмов;
5. установить характер парадигматических отношений в ряду указанных фразем.

В работе используются следующие **методы**: метод наблюдения, метод лингвистического описания, элементы компонентного анализа и анализа словарных дефиниций, статистический метод, а также метод интроспекции, иначе – самонаблюдения.

Фактическую базу работы составили 218 фразеологических единиц (*эмоциональных фразеологизмов*), собранных посредством сплошной выборки из «Фразеологического словаря русского литературного языка» в 2-х тт. / составитель А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.

Мы выбрали данный словарь, поскольку на сегодняшний день он считается самым полным словарем русской фразеологии, в него вошло около 13 000 фразеологических сочетаний и идиом, как наиболее частотных, так и имеющих архаический оттенок. В данный словарь включены и фразеологические обороты, уже вышедшие из употребления, диалектные фразеологизмы, использованные в художественных текстах, фразеологические неологизмы. При этом каждый фразеологизм снабжается не только толкованием, стилистическими пометами (например, разговорное, просторечное выражение), иллюстративным материалом (из художественной литературы и разговорного языка), но и пометами, подчеркивающими эмоционально-экспрессивную окраску фразеологизма, что особенно значимо в контексте нашей работы.

В целом же данный словарь сохраняет принцип подачи материала, принятый в известном и широкоупотребительном «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова (1994 г.).

Глава I. ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ФАКТ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

1.1. Лингвокультурологический аспект фразеологии

Богатство языка – это богатство его лексических средств и его фразеологии, то есть богатство выразительных и образных средств, позволяющих передавать самые тонкие оттенки смыслов. Очень часто за образными словами и устойчивыми оборотами встаёт целая историческая эпоха, так слово, а также фразеологизм запечатлевают следы ушедшего времени, древнейших представлений, верований предков, события далекого прошлого народа.

И в этом контексте фразеология являет собою своеобразный архив народной памяти.

В русском фразеологизмах отразились исторические события, выразилось народное отношение к ним. Например, на Руси после полного закрепощения крестьян и отмены права на переход от одного помещика к другому возникло устойчивое выражение *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*. Кроме того, во фразеологизмах русского языка отразилось отношение к человеческим достоинствам и недостаткам: *золотые руки, баклуши бьет* и т.д. Известный русский языковед Б.А. Ларин писал: «Фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают – как свет утра отражается в капле росы».

Например, «русский фразеологизм *выносить сор из избы* имеет следующее значение, зафиксированное в словаре: «Разглашать сведения о каких-то неприятностях, касающихся узкого круга лиц»» [Словарь образных выражений... 1995: 211], «а культурная информация здесь глубоко запрятана: это славянский архетип: выносить сор из избы нельзя, ибо тем самым мы ослабляем «свое» пространство, делаем его уязвимым и можем причинить

вред членам своей семьи, а человеку недостойно заниматься ослаблением ближних. Поэтому маркером культурной информации при фразеологизме становится помета «неодобр.», имеющаяся в большинстве современных фразеологических словарей» [Маслова 2001: 32].

«В то же время, несмотря на частоту употребления, может происходить утрата ассоциативной связи между устойчивым выражением и порожившим его явлением. Этому могут способствовать различные изменения в жизни социума, в его жизненной идеологии» [Романов 2004]. Так, Г.Г. Слышкин [2000: 31] приводит в качестве примера происхождение фразеологизма *петь Лазаря*: «это выражение также связано с прецедентным текстом. Духовный стих «Лазарь бедный», основанный в свою очередь на библейском сюжете, был известен на Руси как любимая песня бродячих нищих. Отсюда употребление этого фразеологизма в значении «стремиться разжалобить, имея в виду какую-либо выгоду». Прецедентным здесь было не столько содержание текста, сколько исполнение его членами определенной социальной группы. С исчезновением данной группы текст перестал быть прецедентным, а выражение *петь Лазаря*, утратив связь с текстовым источником, превратилось в обычный фразеологизм. Та же судьба постигла многие библейские цитаты в силу того, что апелляции к Библии как к положительно оцениваемому прецедентному тексту не поощрялись в советском обществе: «Часть библейских "крылатых слов" уже успела войти в общенародный список идиом и воспринималась как библейская не более, чем народная песня "Коробейники", – в качестве текста, принадлежащего конкретному поэту Некрасову. Большое число авторов употребляло такие выражения, как "*Корень зла*", "*Козел отпущения*" или "*Кто сеет ветер, тот пожнет бурю*", даже не подозревая, откуда они черпают материал» [Жельвис 1996: 203].

В контексте сказанного сегодня фразеология трактуется лингвокультурологами как раздел языкознания, изучающий устойчивые сочетания слов, отражающие мировидение того или иного этноса.

Слово «*фразеология*» происходит от двух греческих слов: *фразис* – ‘выражение’ и *логос* – ‘учение’, то есть фразеологией называют совокупность устойчивых выражений – фразеологизмов. Иногда в данном значении используются и другие термины: *идиома*, *фразеологическая единица*.

Само понятие фразеологизма по-разному трактуется учеными. Некоторые понимают фразеологизм широко, подводя по это понятие разнообразные виды устойчивых выражений – от словосочетаний, семантически равных слову, – до более сложно организованных устойчивых конструкций, выраженные предложениями. Так, В.Н. Телия включала в разряд фразеологизмов пословицы и поговорки, крылатые слова и др. устойчивые речения.

В целом фразеологические единицы давно стали излюбленным предметом изучения филологов. Предпосылки фразеологии как науки были заложены в трудах А.А. Потебни, И.И. Срезневского, А.А. Шахматова, Ф.Ф. Fortunatova. Вопрос об актуальности изучения устойчивых сочетаний был поставлен ещё в 20-40 гг. XX века в работах С.И. Абакумова, Л.А. Булаховского, Е.Д. Поливанова. И уже в 40-х гг. XX в. в отечественном языкознании была заявлена фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина. Так, в работах В.В. Виноградова были обозначены вопросы об основных понятиях фразеологии, её объекте, предмете, задачах. В 50-е гг. основное внимание ученые уделяли вопросу о статусе фразеологизма, его сходству и различию со словом и сочетанием слов, создавались различные классификации фразеологизмов, проводилась работа, нацеленная на лексикографическое описание устойчивых выражений и их представление в толковых и специальных словарях.

Отметим, что в западноевропейском и американском языкознании фразеология не выделяется в особый раздел лингвистики, но на развитие фразеологии оказали влияние идеи французского лингвиста Ш. Бали (1865-1947).

С середины XX века в отечественной языковой науке обозначился системный подход в области фразеологии, фразеологизмы рассматриваются как структурные единицы языка (работы А.И. Смирницкого, включая его труды

сравнительно-сопоставительного характера, а также О.С. Ахмановой, В.Л. Архангельского, Н.Н. Амосовой, В.П. Жукова, И.И. Чернышёвой, Н.М. Шанского и др.).

Далее развитие фразеологии как науки было нацелено на разработку специальных фразеологических методов, направленных на исследование фразеологических единиц.

Фразеологизмы становятся ключевым объектом описания в работах В.М. Мокиенко, А.И. Молоткова, А.И. Федорова и др. авторов, которые стали создателями известных фразеологических словарей. Особое внимание в их работах уделено семантике фразеологизмов, вопросу соответствия фразем в разных языках.

Процесс фразеобразования и компонентный состав фразеологизмов анализируется в трудах С.Г. Гаврина, Ю.А. Гвоздарева, В.Н. Телии, З.Д. Поповой и др.

В.В. Виноградов, продолживший и развивший учение таких известных отечественных лингвистов, как А.А. Потебня, И.И. Срезневский, Ф.Ф. Fortunатов, А.А. Шахматов и др., предложил строгую, структурированную классификацию устойчивых выражений, выстроил своеобразную парадигму внутри данного класса языковых единиц. Его работы по фразеологии посвящены таким вопросам, как разграничение основных типов устойчивых единиц с точки зрения слитности-спаянности их компонентов. В частности, В.В. Виноградов выделил три типа фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания.

«Выделение аналитических фразеологических сочетаний связано с синтагматическим аспектом фразеологии. В парадигматическую связь с отдельными словами как целостные единства они не вступают. Лишь один из компонентов в них с фразеологически связанным значением вступает в оппозицию с другими словами. В.В. Виноградов говорит о возможности «синонимической подстановки и замены» таких компонентов. Например, во фразеологическом сочетании *скоростная смерть* первый компонент всту-

пает в парадигматические отношения со словами *внезапная, неожиданная* и др.» [Романов 2004].

Что касается фразеологических сочетаний, то, по мнению В.В. Виноградова, «во фразеологических сочетаниях синтаксические связи вполне соответствуют живым нормам современного словосочетания. Однако эти связи в них воспроизводятся по традиции. Самый факт устойчивости и семантической ограниченности фразеологических сочетаний говорит о том, что в живом употреблении они используются как готовые фразеологические единицы – воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи» [Виноградов 1972: 160].

При этом В.В. Виноградов писал, что «...проблема фразеологии приобретает все более острый интерес. Один путь решения этой проблемы уже указан в работах К. Бругмана, Г. Пауля, Ш. Балли, А. Сеше, Есперсена, Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова и некоторых других лингвистов. Этот путь, пока еще никем не пройденный, путь исследования и разграничения основных типов семантических единств, более сложных, чем слово («фраз», «идиом», «тесных фразеологических групп», «устойчивых, неделимых или неразложимых словосочетаний», «фразеологических единиц»). Однако есть и иной путь, на который еще не вступила наука о языке, – это путь изучения структуры, разных видов значений слова с целью выделения таких категорий словесных значений, которые лежат в основе различных процессов фразообразования. Оба эти пути неизбежно в какой-то точке пересекутся и сойдутся» [Виноградов 1972: 119].

Таким образом, В.В. Виноградов уделял большое внимание самому процессу фразообразования, подчеркивая, что фразеология существует в неразрывной связи с лексической системой, что позволяет проникать их значение, исследовать их образование, характеризовать их употребление.

Однако в его же трудах заложены основы широкого понимания фразеологии, согласно которому фразеологизмы по своей грамматической структуре могут быть либо эквивалентами слов, либо предложениями (такое по-

нимание характерно для представителей московской фразеологической школы, основанной В.Н. Телией).

В то же время сравнение некоторых фразеологизмов показывает, что между фразеологизмами могут существовать отношения, сходные с отношениями между синонимами и антонимами, а также между значениями многозначного слова, как это наблюдается в лексической системе.

Сегодня фразеологизмы активно изучаются языковедами. Можно назвать работы В.А. Масловой, в которых мы наблюдаем лингвокультурологический подход к фразеологическим единицам, работы Н.Ф. Алефиренко, посвященные внутренней форме фразеологизмов, работы Г.М. Шипицыной, Н.Н. Семеновича, в которых исследуются фразеологизмы определенных семантических групп, работы В.М. Мокинецкого и др. ученых, анализирующих фразеологизмы в сравнительно-сопоставительном отношении.

Меткость, с которой фразеологизмы могут охарактеризовать то или иное явление, привлекает писателей. Почти все известные писатели, даже во времена Гомера, использовали фразеологизмы для создания колорита и стилистической окраски своих произведений, для характеристики того или иного персонажа. Так, Н.В. Гоголь, охарактеризовал героя комедии «Ревизор» Хлестакова, человека, не понимающего что он делает, с помощью одного фразеологизма: *без царя в голове*. Умело использовал в своих баснях разговорную фразеологию И.А. Крылов. В то же время его произведения сами стали источником многих фразеологизмов: *А Васька слушает да ест* и др. Фразеологизмы активно использовали в своих произведениях А.С. Пушкин, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехов. Причины такого интереса к фраземам очевидны: их важной особенностью является ярко выраженная образность.

В целом, изучение фразеологии выводит нас на картину мира народа, позволяет проникнуть в его менталитет, и неслучайно с таким вниманием изучают ее лингвисты и, в частности, лингвокультурологи, которые видят в

русской фразеологии надежные, прошедшие через века примеры образного отражения явлений действительности.

При этом фразеологизмы воздействуют не только на воображение слушающего, но и на его эмоциональное состояние, заставляя переживать сказанное сильнее, яснее представляя себе предмет речи, чем в случае обращения к нему с речью безобразной, чисто логической.

Несмотря на обилие работ, посвященных различным аспектам фразеологии, здесь остается еще немало недостаточно исследованных областей, потому что и сам объект изучения является поистине неисчерпаемым. К тому же, как отмечают сами исследователи, «перечни фразеологизмов русского языка, предлагаемые разными учеными, настолько отличаются друг от друга, что с полным основанием можно говорить о различных, часто прямо противоположных, даже исключающих друг друга взглядах на предмет исследований и о разном и путанице в научной терминологии, употребляемой для обозначения соответствующих понятий. Этим объясняется и нечеткость понимания задач, целей и самой сущности термина «фразеология», и тот факт, что нет достаточно конкретной, единой классификации фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности. Именно поэтому многое в русской фразеологической системе только начинает изучаться» [Романов 2004].

Таким образом, несмотря на наличие, казалось бы, единого предмета исследования и на многочисленные разработки многих вопросов фразеологии, до настоящего времени существуют различные точки зрения даже на то, что такое фразеологизм в структурном плане.

Хотя, казалось бы, общепринятой как исходная является классификация В.В. Виноградова, в современной лингвистике наметилось два противоположных подхода к пониманию фразеологии.

Одни ученые утверждают следующее: «Фразеология охватывает все <...> сочетания лексем, существующие в данном языке, в том числе и так называемые “свободные” словосочетания» [Копыленко, Попова 1972: 81-84].

По мнению других, объектом фразеологии признаются только некоторые виды словосочетаний, которые выделяются из всех возможных в речи сочетаний отличительными чертами.

В зависимости от того, какие признаки принимаются в расчет при выделении таких словосочетаний, определяется состав фразем в языке. Только соответствующие определенным принципам словосочетания могут быть названы фразеологизмами.

Несмотря на множественность частных исследовательских позиций, обычно все они сводятся к двум направлениям. Первое направление базируется на двух нижеследующих трактовках:

1. фразеология языка рассматривается в «широком» смысле слова, включая в свой состав и словосочетания, переосмысленные полностью, и словосочетания, в которых есть не переосмысленные слова-компоненты. Такое «широкое» понимание фразеологии находит отражение в трудах В.Л. Архангельского, О.С. Ахмановой, Н.М. Шанского;
2. фразеология языка трактуется в «узком» смысле слова и включает в свой состав только словосочетания, переосмысленные до конца. К числу исследований, отражающих такое понимание фразеологии русского языка, относятся, например, работы известного фразеолога В.П. Жукова.

Словный характер фразеологизма и лексемный характер его компонентов при обоих подходах не ставился под сомнение учеными. Ученые рекомендуют рассматривать фразеологизм как контаминацию признаков слова и словосочетания, подчеркивается семантическое неравенство фразеологизма и соотносимого с ним по структуре свободного сочетания слов.

Представители второго направления исходят из того, что фразеологизм – это *не словосочетание* (ни по форме, ни по содержанию), это единица языка, которая состоит не из слов, в силу чего под объектом фразеологии понимаются выражения, которые лишь по своему происхождению являются сло-

восочетаниями. «Они разложимы лишь этимологически, то есть вне системы современного языка, в историческом плане» [Ларин 1956:202].

Фраземы при таком подходе противопоставляются словосочетаниям, так как качественно отличаются от них по своей семантике. Вследствие этого основным при анализе фразеологической единицы становится не формальная или смысловая характеристика её компонентов, не связь между компонентами, а фразеологизм в целом, рассматриваемый как особая единица языка, имеющая определённую форму, содержание, характеризующаяся особым употреблением в речи.

Данный подход последовательно отражается в А.И. Молоткова, в частности в его предисловии к «Фразеологическому словарю русского языка», а также в его книге «Основы фразеологии русского языка» и др.

Однако в нашей работе мы опираемся на позицию Н.М. Шанского, которую он обозначил в ряде своих работ, например, в книге «Фразеология современного русского языка». Точка зрения ученого разделяется другими исследователями, например, авторами энциклопедии «Русский язык». В данной энциклопедии, в частности, дается следующее определение фразеологизма: «*Фразеологизм, фразеологическая единица*, – общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологизма» [Русский язык 1979: 381].

1.2. Специфика отражения в семантике фразеологизма чувств и эмоций

Эмоции – это одна из форм отражения реального окружающего мира, выраженная в виде чувственных реакций, переживаний, которые возникают в ответ на различные по характеру сигналы, влекущие за собой определенные изменения в физиологическом состоянии организма.

«Эмоции» — это определенные психические процессы, в которых человек переживает свое отношение к тем или иным явлениям окружающей действительности; в эмоциях также получают свое субъективное отражение различные состояния организма человека. Эмоции могут отличаться друг от друга по силе, или интенсивности, чувства и его глубине. Глубина проникновения чувства определяется тем, насколько существенно для данной личности данное чувство и та сфера, с которой оно связано» [Психология. Словарь 2006: 584].

Рассматривая специфические особенности эмоций и чувств человека, психологи полагают, что чувства носят личностный характер: в них отражается значимость предметов и явлений для данного человека в конкретной ситуации. Например, Ф. Крюгер писал: «то, что радует человека, что его интересует, повергает в уныние, волнует, что представляется ему смешным, более всего характеризует его сущность, его характер, индивидуальность» [Крюгер 1984: 26].

В то же время те или иные эмоции свойственны всем людям: все люди способны испытывать радость, грусть, печаль, восторг, удивление и т.д.

В ряде исследований чувства и эмоции не разграничиваются, так как и те, и другие представляют собой психические состояния человека, которые могут различаться лишь в своей длительности, например, чувство характеризуется длительностью переживания, а эмоция сиюминутна и кратковременна.

Все многообразие эмоциональных состояний, вслед за психологами, мы можем разделить на 2 большие группы:

1) положительные чувства и эмоции, которые доставляют удовольствие человеку;

2) отрицательные чувства и эмоции, которые связаны с неудовлетворением потребностей и доставляют неудовольствие.

К простым чувствам относят радость, горе, гнев, страх, зависть и т.п.

Эмоции трактуются при этом обычно как непосредственное, временное переживание того или иного чувства. Например, чувство радости может быть связано с эмоциями восхищения, наслаждения, а чувство гнева или ревности связано с эмоцией негодования, возмущения и т.п. Таким образом, разные чувства могут быть основанием для сходных эмоциональных состояний человека.

Согласно концепции К.Э. Изарда, выделяются следующие основные, «*фундаментальные эмоции*»:

«1. *Интерес* (как эмоция) – положительное эмоциональное состояние, способствующее развитию навыков и умений, приобретению знаний, мотивирующее обучение.

2. *Радость* – положительное эмоциональное состояние, связанное с возможностью достаточно полно удовлетворить актуальную потребность, вероятность чего до этого момента была невелика или, во всяком случае, неопределенна.

3. *Удивление* – не имеющая четко выраженного положительного или отрицательного знака эмоциональная реакция на внезапно возникшие обстоятельства. Удивление тормозит все предыдущие эмоции, направляя внимание на объект, его вызвавший, и может переходить в интерес.

4. *Страдание* – отрицательное эмоциональное состояние, связанное с полученной достоверной или кажущейся таковой информацией о невозможности удовлетворения важнейших жизненных потребностей, которое до этого

момента представлялось более или менее вероятным, чаще всего протекает в форме эмоционального стресса.

5. *Гнев* – эмоциональное состояние, отрицательное по знаку, как правило, протекающее в форме аффекта и вызываемое внезапным возникновением серьезного препятствия на пути удовлетворения исключительно важной для субъекта потребности.

6. *Отвращение* – отрицательное эмоциональное состояние, вызываемое объектами (предметами, людьми, обстоятельствами и др.), соприкосновение с которыми (физическое взаимодействие, коммуникация в общении и пр.) вступает в резкое противоречие с идеологическими, нравственными или эстетическими принципами и установками субъекта. Отвращение, если оно сочетается с гневом, может в межличностных отношениях мотивировать агрессивное поведение, где нападение мотивируется гневом, а отвращение — желанием избавиться от кого-либо или чего-либо.

7. *Презрение* – отрицательное эмоциональное состояние, возникающее в межличностных взаимоотношениях и порождаемое рассогласованием жизненных позиций, взглядов и поведения субъекта с жизненными позициями, взглядами и поведением объекта чувства. Последние представляются субъекту как низменные, не соответствующие принятым нравственным нормам и эстетическим критериям.

8. *Страх* – отрицательное эмоциональное состояние, появляющееся при получении субъектом информации о возможной угрозе его жизненно-му благополучию, о реальной или воображаемой опасности. В отличие от эмоции страдания, вызываемой прямым блокированием важнейших потребностей, человек, переживая эмоцию страха, располагает лишь вероятностным прогнозом возможного неблагополучия и действует на основе этого (часто недостаточно достоверного или преувеличенного прогноза).

9. *Стыд* – отрицательное состояние, выражающееся в осознании несоответствия собственных помыслов, поступков и внешности не только

ожиданиям окружающих, но и собственным представлениям о подобающем поведении и внешнем облике» [Изард 1980: 49-50].

Из соединения перечисленных фундаментальных эмоций возникают различные комплексные эмоциональные состояния, например, *тревожность*, которая может сочетать в себе несколько эмоций: страх, гнев, вину и интерес, а чувство радости может объединять в себе ликование, восторг, удивление и др.

При этом один и тот же воспринимаемый объект может вызывать в разных людях различные эмоциональные состояния. Например, одно и то же животное (например, змея) может у одного человека вызывать эмоцию интереса, а у другого – отвращения.

Даже у одного человека один и тот же объект, но в разные моменты может вызывать противоречивые «чувства», или эмоции.

Иногда эмоции оказываются амбивалентными. Например, зачастую в качестве примера исследователи приводят любовь и ненависть, которые совмещаются при переживании эмоционального состояния ревности. При этом любовь здесь будет представлять собой более или менее постоянное чувство, а ненависть оказывается сиюминутной эмоцией.

Уже упомянутый К.Э. Изард полагает, что положительные эмоции «облегчают взаимодействие людей, понимание ими ситуаций, связей между объектами», а отрицательные эмоции «ощущаются как вредные и не способствуют взаимодействию» [Изард 1980: 365].

Однако, как полагает Б.И. Додонов, «это не совсем верно, так как полезную приспособительную роль играют и те, и другие. Более того, отрицательные эмоции в этом отношении даже важнее положительных. Именно отрицательные, а не положительные эмоции заставляют ребенка появиться на свет. Поэтому совершенно ошибочно думать, что положительные эмоции – хорошие, а отрицательные – плохие. Намного ближе к истине утверждение о том, что положительные эмоции несут в себе положительную оценку определенного объекта и явления, а отрицательные – отрицательную. Причем

один и тот же объект/явление может вызывать у разных индивидов разнополюсные эмоции. Разделение эмоций на положительные и отрицательные, скорее, опирается на принцип минимизации-максимализации, то есть на отношение субъекта к своему эмоциональному состоянию. Положительную эмоцию субъект стремится усилить, продлить, повторить, а отрицательную – ослабить, прервать, предотвратить» [Додонов 1987: 24].

Также Б.И. Додонов утверждает, что «универсальной классификации эмоций создать вообще невозможно и классификация, хорошо служившая для решения одного круга задач, неизбежно должна быть заменена другой при решении иного круга задач» [Додонов 1987].

В целом психологи насчитывают более 500 различных эмоций.

В контексте нашей – лингвистической – работы важно установить, какие эмоции и каким образом выражаются в русском языке посредством фразеологизмов.

Что касается отдельных лексем, служащих для выражения эмоций, то здесь, по наблюдениям Б.И. Додонова, в разговорной практике носители языка зачастую пользуются одним и тем же словом для обозначения разных эмоциональных состояний и переживаний, и суть эмоции становится ясной только из контекста. В то же время одна и та же эмоция может обозначаться разными лексическими единицами.

По этой причине лингвисты сосредотачивают своё внимание прежде всего на том, какие языковые средства используются для выражения и передачи эмоций.

Необходимость лингвистического анализа языковых средств, репрезентирующих эмоции, обусловлена не столько недостаточной изученностью этой проблематики, сколько изменением самой языковой практики и «утратами» в области фразеологической «компетентности»: фраземы становятся исчезающим средством вообще, на место устойчивых народных речений приходят рекламные слоганы. По этой причине исследование фразеологиз-

мов и их популяризация способствует сохранению в активной речевой практике народа этого богатейшего фонда языковых единиц.

Фразеологизмы – это богатейшие средства речевой выразительности, они придают речи особую экспрессию и неповторимый этнокультурный колорит (известно, что вся фразеология по сути непереводаима и носит яркий этнокультурный характер). Выразительность языка во многом зависит от представительности его фразеологии.

Большинство фразеологических единиц, как известно, обозначают те же понятия, которые могут быть выражены и словами или описательными выражениями. Однако фразеологические единицы отличаются от этих синонимичных средств специфическими оттенками значений и яркой экспрессивностью, сравним, например: *ничего не делать* – *разг. лейтяйничать* – *бить баклуши*. В данном ряду именно фразеологизм несет в себе не только основное значение ничегонеделания, но и содержит яркую этнокультурную информацию: *бить баклуши* – ‘разбивать полено на баклуши, т.е. чурки для выделки мелких изделий’ [Толковый словарь С.И. Ожегова]; «разбивать полено вдоль на несколько частей – плах, закруглять их снаружи и выдалбливать изнутри. Из таких плах – баклуш – делали ложки и другую деревянную посуду. Заготовка баклуш, в отличие от изготовления изделий из них, считалась легким, простым делом, не требующим особого умения. Отсюда и значение ‘делать несерьезное, ненастоящее дело’ или ‘ничего не делать’» [Фразеологического словаря русского литературного языка А.И. Федорова, т.1 – *далее ФС, 1*]. При этом данный фразеологизм является оценочным и экспрессивным, поскольку носит неодобрительный характер, то есть выражает эмоцию неодобрения по отношению к кому-либо, не занятому делом.

Таким образом, замена фразеологизма словом или словосочетанием в данном случае не будет равнозначной: при подобной замене исчезает сложившаяся этнокультурная коннотация, национальный образ, экспрессия и эмоции, которые вызывает данный фразеологизм.

Значимым является и то, что эмоционально-экспрессивная окраска фразеологизмов не связана с их употреблением в конкретных стилях речи и вообще не имеет отношения к стилистической и историко-временной характеристике текста.

Несмотря на данный факт, почти совсем нет данных, которые позволили бы говорить о той или иной преимущественной эмоционально-экспрессивной характеристике каждого фразеологизма и устанавливать для него какие бы то ни было нормы в этом отношении. Тем не менее, некоторые фразеологизмы сопровождаются в словаре пометами *шутл.*, *ирон.*, *пренебр.*, *неодобр.*, *бран.* и др. Однако постановка таких помет означает лишь попытку практически подойти к решению вопроса об эмоционально-экспрессивной окрашенности фразеологизмов [См. об этом: Романов 2004].

Задача «вычисления» эмоциональных фразеологизмов, таким образом, не всегда просто решается. Преодоление различных трудностей в данной области лежит в основе концепции описания эмоциональной фразеологии, разработанной в работе Д.А. Романова [2004].

Согласно этой концепции, «...идиомы не столько обозначают, сколько выражают отношение говорящего к тому, что обозначается. Иногда поэтому бывает трудно определить собственно значение идиом и отделить его от оценки и эмоционального отношения» [Телия 1995: 15].

Определение эмоциональности, экспрессивности и культурной коннотации производится здесь по основному толкованию фразеологизма в словаре (без учета разного рода стилистических помет). Например, ФЕ *ладить одну и ту же песню* – означает «повторять одно и то же, говорить об одном и том же» [ФС, I: 342]; эмоциональность – «пренебрежение» (*коннотативная семантика* – в терминологии Д.А. Романова).

Эмоциональность может быть, по мнению исследователей, вторичной (вторичная эмоциональность) [Романов 2004: 33]. По мнению исследователей Московской фразеологической школы, «значение идиом имеет три зоны: 1) толкование самого значения, то есть дефиниция; 2) смысловое подтолк-

вание (о чем говорилось выше); 3) ситуативное подтолкование» [Телия 1995: 7].

Как собственно эмоциональные фразеологизмы обычно рассматривают ФЕ, включающие эмоцию в состав своего толкования. Например, фразеологизм *брать за глотку* [ФС, I: 45] не является, по мнению ученых, собственно эмоциональным, так как его значение – ‘принуждать, притеснять кого-л.’, а эмоциональный компонент – «проявлять активную агрессию» (отрицательная эмоциональная составляющая). Во фразе *показывать пятки* – «убегать, обращаться в бегство» [ФС, II: 114] передаваемая эмоция – страх (отрицательная эмоция).

Нередко не очень просто охарактеризовать эмоциональное значение фразеологизма, дифференцировать его от сходных. Например, *косой взгляд* – «недоверие, неодобрение» [ФС, I: 75]. Здесь оказываются выраженными не столько эмоции, сколько физические проявления: смотреть искоса неодобрительно, осуждающе, намеренно не смотреть в глаза. Во фразеологизме *камень с сердца (с плеч, с души) свалился* – «облегчение» [ФС, I: 289-290] – присутствует не столько эмоция, сколько внутреннее ощущение расслабленности.

Как видим, нередко ФЕ выражает жест, мимическое движение, физиологическое проявление (расслабленность, смех, слезы и др.), которые связаны с эмоциями, но не означают этих эмоций. Такие фразеологизмы не относят к собственно эмоциональным, поскольку они отражают эмоцию лишь вторично. Именно такое явление называют вторичной эмоциональностью.

К таким ФЕ со вторичной эмоциональностью могут быть отнесены ФЕ *выплакать все глаза* [ФС, I: 123], *лить слезы* [ФС, I: 352], *обливаться слезами* [ФЕ, II: 45], *проплакать все глаза* [ФЕ, II: 159], где вторичная эмоциональность заложена в значении «горе, страдание».

Также к фразеологизмам, в которых эмоциональность носит вторичный характер, следует отнести ФЕ *бросает в краску* [ФС, I: 52], *заливаться крас-*

кой [ФС, I: 249], *вспыхнуть (покраснеть) до корней волос* [ФС, I: 320]. Они связаны с передачей эмоции стыда, но не называют её.

ФЕ *рот до ушей* [ФЕ, II: 199], *кататься со смеху* [ФС, I: 275], *лопнуть со смеху (от хохота)* [ФС, I: 115], *умирать со смеху* [ФС, I: 372] связаны с эмоцией радости, но вновь не называют её, не обозначают её непосредственно.

Подобные ФЕ, которых значение эмоций не передается непосредственно, но лишь оказывается связанным с эмоциональным переживанием, по мнению исследователей, не относятся к эмоциональным фразеологизмам.

Но в нашей работе мы не возьмем на себя смелость дифференциации ФЕ с первичной и вторичной эмоциональностью и будем рассматривать их в единстве, распределяя материал по тематическим группам. И при таком подходе мы будем исходить из широкого понимания эмоциональных фразеологизмов.

Отметим вслед за другими исследователями, что эмоциональные фразеологизмы нередко оказываются многозначными [см., например: Вакуров 1991], что объясняется уже описанным выше явлением эмоциональной амбивалентности.

Таким образом, эмоциональный фразеологизм – это особая фразеологическая единица, которая реализует эмоциональное значение и иллюстрирует возможность передачи эмоционального состояния средствами русского языка.

«Как и фразеологизм, язык в своем самом совершенном создании – тексте – стремится реализовать комплексную, а не линейную эмоциональность, синтезировав разные уровни и формы ее проявления (языковой фонетический, языковой лексический, паралингвистический, языковой морфемный, ритмико-интонационный и т. д.)» [Романов 2004]. Это подтверждает мнение о том, что «идиомы – своего рода микротексты» [Телия 1996: 14].

Тематические поля (группы) фразеологизмов, по мнению В.Н. Телия, создают представление «о культурно-национальной картине мира, запечат-

ленной в идиомах...» [Телия 1995: 21]. Это же можно отнести и к рассматриваемым нами в данной работе эмоциональным фразеологизмам.

1.3. Эмоциональный фразеологизм как объект лингвокультурологии

«Объектом лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком. Объект размещается на «стыке» нескольких фундаментальных наук – лингвистики и культурологии, этнографии и психолингвистики. <...> Предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках (поговорках и пословицах) и т.д.» [Маслова 2001: 4-5].

При этом одна лингвокультурологическая единица может, по мнению В.А. Масловой, принадлежать одновременно нескольким семиотическим системам: стереотип ритуала может войти в поговорку, а потом превратиться во фразеологизм; например, было время, когда *клятву ели*, т.е. *ели землю*, изображая породнение с ней, как бы жертвуя собой при этом; данный обычай закрепился в языке во фразеологической единице (ФЕ) *есть землю* [См. об этом: Маслова 2001 и др. работы автора].

Иногда одна и та же лингвокультурологическая единица реализуется и в мифах, и в поговорках, и во фразеологизмах: так, образ волка вбирает в себя представления древних славян о грабителе, убийце. Волку приписывались разбойничьи качества, так как он является опасным зверем, нападавшим на

скот и людей. Эти особенности животного находят отражение в поговорке «*Волк каждый год линяет, но обычая не меняет*», а затем закрепляется во фразеологизмах *волчья хватка, волчий оскал*, в метафоре с творительным сравнения *смотреть волком* и др.

Фразеология всегда носит этнокультурный характер, то есть она всегда специфична. «Так, известно, что собака у русских ассоциируется (наряду с отрицательными явлениями) с верностью, преданностью, неприхотливостью, что нашло отражение во фразеологизмах *собачья верность, собачья преданность, собачья жизнь* и др.; у белорусов собака коннотирует негативные в большинстве своем признаки – *ушыца у сабачую скуру* (в значении «стать негодным, ленивым человеком»), *собакам падшыты* («плохой человек»)» [Маслова 2001: 54].

Из данных примеров видно, что для каждого языка, для каждой культуры характерно возникновение специфических созначений – *культурных коннотаций* (в терминологии В.Н. Телии).

По мнению исследователей, культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка четырьмя способами:

- через культурные семы,
- через культурный фон,
- через культурные концепты,
- через культурные коннотации.

Культурная коннотация возникает в результате соотнесения ассоциативно-образного основания фраземы с культурно-национальными эталонами и стереотипами, на что указывается в работах В.Н. Телии, В.А. Масловой и других исследователей.

«Компоненты с символическим прочтением также во многом обуславливают содержание культурной коннотации. Например, *кровь* как символ жизненных сил во ФЕ – *пить кровь, до последней капли крови*; *кровь* как символ родства – *родная кровь, кровь от крови*; *кровь* как символ жертвоприношения – *пролить чью-то кровь*; *кровь* как символ здоровья – *кровь с*

молоком; как символ сильных эмоций – *кровь бросилась в голову, кровь стынет*» [Маслова 2001: 56].

Интерпретируя фразеологизмы на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими менталитет этноса, мы тем самым раскрываем их этнокультурный смысл и национальный характер, которые и составляют содержание национально-культурной коннотации.

«План содержания ФЕ, а также закрепленные за ними культурные коннотации сами становятся знанием, т.е. источником когнитивного освоения. Именно поэтому фразеологизмы становятся экспонентами культурных знаков. Культура проникает в эти знаки через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной культуры. Именно система образов, закрепленных в семантике национального языка, является зоной сосредоточения культурной информации в естественном языке» [Маслова 2001: 55].

Возникают вопросы о том, почему фразеологические единицы удерживаются в языке, проходят через века, почему они образуются в каждую конкретную эпоху вновь и вновь. И ответ здесь кроется именно в том, что они несут в себе значимую для этноса культурную информацию, это свидетельства эпох, архив этнокультурной информации, причем эмоциональный архив, элементы которого могут находить применение в иных условиях и в иное время.

«Механизм возникновения коннотаций связан с усилением отдельных аспектов значения (часто за счет яркой внутренней формы ФЕ, на базе которой возникают наиболее стабильные ассоциации). Ассоциации при этом образуют мотивирующую основу для возникновения коннотаций, прямое значение ФЕ выступает как внутренняя форма по отношению к переносному. Обычно из денотата вычленяются отдельные признаки, образ которых предстает во внутренней форме ФЕ. Так, если говорят *как заяц* (о трусливом человеке), то это не значит, что у него серая шуба, короткий хвост и длинные

уши, а свидетельствует лишь о том, что такой человек, чутко уловив опасность, часто мнимую, вовремя успеет убежать. Закрепление ассоциативных признаков в значении ФЕ, т.е. возникновение коннотаций – процесс культурно-национальный, он не подчиняется логике здравого смысла (почему, например, именно заяц труслив, а не лиса), поэтому у разных народов эталонами трусости могут быть другие животные и птицы.

Зачастую коннотации воспринимаются как оценочный ореол, при этом также ярко проявляется национальная специфика языка, создающая картину мира. Например, в картине мира русских сочетание старый дом коннотирует негативную оценку, у англичан же это сочетание имеет положительную коннотацию; голубые глаза для киргизов – самые некрасивые глаза, почти бранное выражение, зато коровьи глаза (о человеческих) – очень красивые, оценка здесь основана на денотате (корове). Коннотации, таким образом, представляют собой форму ценностного освоения мира, фактор внутренней детерминации поведения» [Маслова 2001: 56].

Одними из самых важных и частотных образных понятий, функционирующих в русских фразеологизмах, являются понятия «душа» и «сердце». В русской языковой картине мира они предстают как «духовные центры» человека. Это центры средоточия эмоций, поэтому их вербализации особенно важны при передаче эмоциональных состояний. Не случайно они оказываются столько частотными в ряду фразеологизаций.

По мнению В.А. Масловой [2001: 138], в русской картине мира *сердце* – средоточие эмоции: *сердце мне истомила тоска*. Выражая различные эмоции, лексема «сердце» объединяется с самыми различными предикатами, образуя метафоры с разными значениями: *сердце бьется, поет, закипает* (Пушкин), *сжимается* (Чехов), *рвется, дрожит, пышет* (Фет), *загорается, сплющивается, замирает* (Фурманов), *отцветает, цепенеет* (Грин), *трепещет, разрывается, заходится, сжимается, закатывается* (Зощенко), *пламенеет* (Заболоцкий), *каменеет, черствеет, грубеет, холодеет, смягчается*

(Шолохов); *сердце дрогнуло, затрепетало, заколотилось, упало, покатилося* (Куприн) и т.д.

По мнению ученого, говоря о чувствах и эмоциях, нельзя не заметить, что здесь «работает» еще один параметр – «верх-низ». Эмоции ассоциируются с параметрическими характеристиками по вертикали и горизонтали, поэтому спокойствие – это как бы неподвижность по этой шкале, как бы «нулевая» координата, положительные эмоции связаны с движением вверх (*прыгать от радости*), а отрицательные – с движением вниз (*согнуться от горя*).

«С одной стороны, сердце – точка соприкосновения с Богом, орган, устанавливающий интимную связь с ним, отсюда *жить с Богом в сердце, сердобольный* (о сострадательном, отзывчивом человеке), а с другой – источник греха, темных сил – *бессердечный* (о черством человеке), *камень вместо сердца, ледяное сердце*, прилагательное *сердитый* (склонный раздражаться, гневаться), ФЕ *под сердитую руку* (прогневавшись, вспылыв), *в сердцах* (в порыве раздражения), *сорвать сердце на ком-либо* (излить свой гнев) и др. В Библии «сердце» и «душа» часто выступают как тождественные понятия, заменяющие друг друга, но еще чаще они различаются. Сердце может выступать как вместилище души, сосредоточие жизненной силы: *В злобном сердце душа стонет* (поговорка); похищение же сердца равносильно смерти: *ты похитил мое сердце*; ср.: фразеологизмы *пронзить сердце, разбить сердце* и др.

Сердце может быть вместилищем желаний: *по сердцу, с замиранием сердца*; быть местом, где зарождаются чувства и желания: *в сердце вспыхнула любовь, надежда*; быть центром интуиции: *сердце чует, у сердца есть уши, сердце подскажет, закрадываться в сердце*; быть центром совести и других моральных качеств: *положа руку на сердце, каменное сердце, золотое сердце*; быть источником света и тепла: *сердце горит*; быть сокровищницей: *ключи от сердца, отдавать сердце*; быть гарантом любовного благополучия: *предлагать руку и сердце*; быть местом, в котором чувства скрыты от посторонних глаз: *никто не знал, что творилось в его сердце, читать в сердце* и т.д.» [Маслова 2001: 141]

По мнению В.А. Масловой [2001: 139], с помощью фразеологизмов с компонентом «сердце» можно описать почти весь мир: 1) многочисленные оттенки чувств и состояний человека – *кошки на сердце скребут, сердце замерло, камень с сердца свалился, отлегло от сердца, брать за сердце, сердце кровью обливается, как маслом по сердцу, надрывать сердце, сердце не на месте, сердце сжимается* и т.д.; 2) отношение человека к объектам мира – *от чистого сердца, запастись в сердце, положить руку на сердце, от всего сердца, сердце принадлежит, сердце занято, от сердца, войти в сердце* и др.; 3) дать характеристику человека – *сердце обросло мхом, мягкое сердце, доброе сердце, каменное сердце, неукротимое сердце, золотое сердце, покоритель сердец, горячее сердце, глупое сердце*; 4) охарактеризовать поведение человека в обществе – *заглядывать в сердце, находить доступ к сердцу, давать волю сердцу, срывать сердце, покорять сердце, открывать сердце, разбить сердце* и др.

Таким образом, язык демонстрирует, что сердце есть не только центр сознания, но и центр бессознательного, не только основа тела, но и души, это центр святости и греховности, это место сосредоточения всех человеческих эмоций и чувств, центр мышления и воли человека; сердце в силу этого является не только «органом чувств» и «органом желаний», но и выступает «органом предчувствий», то есть сердце предстаёт как абсолютный центр всего «человеческого» в человеке.

Не менее сложные отношения передает слово *душа*, которое также часто становится элементом ФЕ.

«Природа, по представлениям древних, тоже имела душу, хотя и не столь качественную, как человек. Главное отличие человека, созданного по образу и подобию Божьему, от всего природного – наличие у него нематериальной божественной души. Еще с античных времен душа понималась то как огонь (Демокрит), то как воздух (Анаксимен), то как смешение всех четырех элементов (Эмпедокл). Эти представления до сих пор сохранились в языке (*душа горит, душа воспарила, душа воспламенилась*).

Вместилищем души у разных народов считаются различные органы: диафрагма, сердце, почки, глаза и даже пятки (например, в русском языке есть фразеологизм *душа в пятки ушла*). Славяне признавали в человеческой душе проявление той творческой силы, без которой невозможна жизнь на земле. С этими представлениями связаны ФЕ *душа светится, душа горит, душа пылает, жар души, чуть душа теплится, искры души, душа оттаяла*, а также антонимичные по значению выражения *душа как лед, ад кромешный в душе* и др. С этой мифологемой тесно связано представление о душе как о переходном состоянии огня (Гераклит)» [Маслова 2001: 141].

Душа – это своеобразное отражение сути человека, его внутреннего «Я», ср.: *низкая душонка, высокая душа, мелкая душа, большая душа, чуткая душа, благородная душа, грешная душа* и др. Душа (как и человек) может быть смертна: *мертвая душа*; душа словно даётся человеку на время и по смерти возвращается обратно к своему источнику – Творцу: *отдать Богу душу*, душа может болеть, скорбеть – *душа болит, скорбеть душой* и т.п.

С точки зрения христианской этики, душа в силу своей божественной природы является вместилищем некоего этического идеала: *чистая душа, душа бессмертна, с Богом в душе*, но человек может нарушить эту чистоту: *запачкать душу* и т. п. С религиозной точки зрения, душа связывает земного грешного человека с высшим духовным началом – Святым Духом; в силу этого повышается ценность души и особую значимость приобретают осознанные усилия человека, нацеленные на его самосовершенствование: *спа- сать душу* и т.п.

Душа – это своеобразное вместилище, что следует из известных фразем: *изливать душу, душа опустела, душа пустая, душа полна чем-либо* и т.п.

«Представления о душе как о дыхании, воздухе, ветре, птице, бабочке присущи разным народам, в том числе славянам: *душа отлетела, вдохнуть душу, душа вон, душа улетает, прилетает*. Даже этимологически душа тесно связана с ветром: *душа – дыхнуть – дух – дуть – дуновение – воздух*. В славянских сказках часто говорится про рубашки из перьев, лебединые кры-

ля у девушек. Известен платоновский миф о душе: душа стремится к «нездешней», небесной, родине, у нее растут крылья. По Платону, душа, павшая на землю и покинувшая небо, 10 тысяч лет живет на земле, пока не окрылится. По языческим представлениям славян, если человек жил праведно, то душа превращается в голубя, а если в грехе, то в черного ворона, иногда в грустную кукушку» [Маслова 2001: 141].

Душа как будто локализована в теле, отсюда фразеологизмы *душа ушла в пятки*, *душа не на месте*; душа может ассоциироваться с твердым предметом: *царапает душу*; *камень лег на душу*, *оставить след в душе*; душа может трактоваться как книга – *читать в душе*; как хлеб: *черствая душа*; душа может сравниваться с цветущим растением: *цвет души*, *цвети душой*; с музыкальным инструментом: *струны души* и др.

При этом в контексте нашей работы значимо, что душа выступает как объект и как субъект переживаемых эмоций: *тревожить душу*, *лезть в душу*, *бередить душу*; *хватать за душу*, *душа плачет*, *душа надрывается* и др.

Как видим, оязыковлённые представления о сердце и душе в русской картине мира сложны, порой противоречивы, но в целом последовательны в плане связи этих понятий с репрезентацией эмоциональных состояний, что находит отражение в системе эмоциональных фразеологизмов с данными компонентами.

И в этом контексте особое значение приобретает анализ фразеологизмов, выражающих эмоции, в целом, так как анализ эмоциональных состояний, выражаемых ими, выводит нас, помимо прочего, на ключевые концепты культуры, к которым относятся концепты «Сердце» и «Душа».

Глава II. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

2.1. Представления о счастье и горе как эмоциональные доминанты картины мира

Крайними эмоциональными состояниями являются переживания человеком счастья и горя.

В словаре С.И.Ожегова лексема *счастье* представлена двумя лексико-семантическими вариантами. Первый отражает представления о *счастье* как состоянии полного, высшего удовлетворения. Вторым означает успех, удачу. Слово *горе* тоже имеет два значения: *горе* трактуется как глубокая печаль и как несчастье [Ожегов 1988: 120]. Антонимичность данных понятий выявляется уже при соотнесении лексических значений. При этом значимо, что синонимический ряд, включающий слово *горе* является большим (*скорбь, горесть, грусть, несчастье, горечь, злосчастье, беда, напасть*) по сравнению с синонимическим рядом, в которое входит слово *счастье* (*удача, успех, радость*) [Евгеньева 1975: 56, 74]. Причем синонимы *злосчастье* и *несчастье* включают в свои основы дериват *счастье*, то есть *горе* трактуется как отсутствие *счастья* или как *злое счастье*.

Последнее заставляет пристальнее взглянуть на ту идею, которая лежит в основе исходного значения слова *счастье*. *Счастье* первоначально “доля, совместное участие” – от др.-инд. *su “хороший” и *ṣeṣṭь “часть” [Фасмер 2004: Т.3: 816], то есть счастлив тот, кому что-то дано (часть, доля – ср. *недоля*). В словаре М. Фасмера *часть* – участь, счастье, др.-русск. “доля, земельный участок, наследство”, др.-инд. *ṣeṣṭь “часть” [Фасмер 2004: Т.1: 440]. Также у Фасмера праформа слова *доля* – др.-инд. *dalam “кусочек, часть, половина” – соотносится с понятием *часть* [Фасмер 2004: Т.1: 526]. Здесь важно провести еще одну параллель: *Доля – Бог – Счастье*. Этимология слова *Бог* – др.-инд. *bhagas “достояние, счастье”, др.-инд. *bhajati “наделяет, делит”

[Фасмер 2004: Т.1: 181-182]. Связь понятий «Счастье» – «Горе» и «Бог» можно наблюдать и на примере фразеологии: *Счастлив твой бог!*; *Всё слава Богу*; *Всё не слава Богу*; *Боже мой!* и др.

На примере антонимической пары *богатство – бедность*, где корни слов указывают на соответствие противопоставлений понятий «Счастье» – «Горе» и «Бог» – «Беда», мы также можем наблюдать указанную семантическую связь.

При этом слово *горе* семантически соотносится с др.-инд. *ṣōkas* “пламя, жар”, а также “мука, печаль”. Этимология слова *горе* позволяет провести семантическую параллель с глаголом *гореть*, с прилагательным *горький* (здесь наблюдаем перенос значения на вкусовые ощущения, ср. *горький перец*, который жжет), а также с существительным *печаль* (ср. *печет* – ‘жжет’). П.Я. Черных указывает, что в XI в. в Древней Руси *горе* означало “вечную муку”, при этом в восклицательных предложениях это слово употреблялось чаще, чем в остальных случаях, то есть первоначально оно употреблялось только в условиях экспрессии [Черных I: 64].

Среди русских фамилий имеются такие, как *Горев* (мирское имя *Горе* было распространено в старину как “профилактическое”. Ребенка называли *Горем*, чтобы не польстилась на него нечистая сила и вырос он здоровым и счастливым), *Горюнов* (ср. пословицу: «*Научит горюна чужая сторона, и вымучит, и выучит*»), *Горелов*, в которой запечатлелась печальная судьба предков – горелыми называли людей, потерявших из-за пожара дом и имущество [Федосюк 1992]. Последняя фамилия соотносится с существительным *горе* лишь на уровне этимологии, но семантический параллелизм *пожар – беда, горе* тоже показателен.

Думается, анализ концептов «Горе» и «Счастье» должен включать и описание фонетического облика слов как их репрезентантов. Здесь немаловажный фактор – это звукопись, особенно гласных звуков, так как именно они придают особую музыкальность русской народной речи. Можно отметить особую роль звуков [a] и [o], которые представлены в звуковой оболочке

вербализаций исследуемых концептов. А.П. Журавлев [1991] характеризует частое употребление звука [а] как изображение великолепия и пространства (*счастье*), звук же [о], по его мнению, выражает что-то страшное и сильное (*горе*). Г.Д. Гачев в своей книге «Национальные образы мира» утверждает: «Национальные языки в звучности своей – голоса местной природы в человеке. У звуков языка – прямая связь с пространством естественной акустики, которая в горах иная, чем в лесах или степи» [Гачев 1998: 54]. Исследователь говорит о том, что звук [а] представляет открытое пространство, причем это пространство вертикально, то есть оно стремится вверх. Тогда как [о] – замкнутый круг, находящийся на горизонтали. Для русского человека привычно пространство-горизонталь, и ему в силу этого не хватает вертикали, он всегда стремится к чему-то по вертикали. А замкнутый круг ассоциативно связан с восприятием русского человека времени как земледельческого года. Земля для него и то, без чего он не может жить (*Россия – мать сыра земля; Земля-Матушка*), и то, что приносит ему несчастье (крепостное право). И. Имшинецкая в книге «Креатив в рекламе» [Имшинецкая 2005: 23] рекомендует использовать в графике лучи солнца и круг, а так же полукруг, направленный вверх. По ее мнению, эти графические образы сигнализируют о радости, удовольствии и счастье. К тому же она призывает молодых специалистов использовать в качестве ключевых единиц лексемы *счастье*, *беда* и *удовольствие*. Такой рекламный «трюк» вполне обоснован, как и использование в рекламе эмоциональных фразеологизмов:

Россия – щедрая душа;

Страховая группа «Спасские ворота». Как за каменной стеной;

Bounty. Райское наслаждение.

Безусловно, концепты «Горе» и «Счастье» играют важную роль в миропонимании русского человека. С одной стороны, они являются противоположенными, но в то же время – неразрывно связанными: *Не было бы счастья, да несчастье помогло*. Счастье иррационально, оно непостоянно, фатально: *Найти счастье, Счастливый случай*, на эти свойства указывает, по-

мимо прочего, связь понятия «счастье с понятием «Бог». *Бог* – это высшая и также непостижимая сила, действием которой определяются как отдельные события, так и весь жизненный путь русского человека: *Бог дал, бог и взял; Как Бог даст* и подоб.

Эти представления прочно укоренились в сознании носителей русского языка.

При этом *горе* нередко осмысливается в русской традиции как антропоморфное существо. Антропоцентризм в целом – реминисценция древнейших мифологических представлений, в контексте которых чувства человека воспринимались как живые существа, способные оказывать на человека позитивное или негативное воздействие, на что указывает в своих работах С.А. Кошарная [2003 и др.]. В русском фольклоре *горе* являлось неким мифическим персонажем, который неотступно следует за человеком (ср. «Повесть о Горе-Злочастии...», где *Горе* выступает в качестве мужского персонажа, преследующего героя). Факты персонификации горя можно наблюдать в русской фразеологии: *Горе сушит; Горе женится, а нужда замуж идет; Горе по верху плыло, погодой к берегу прибило*. Говоря о персонификации, важно заметить, что в словаре С.И. Ожегова указано ироническое употребление слова *горе* в сочетании с существительным: *горе-рыболов, горе-хозяйка* и др. – в значении “плохой”, “неважный” [Ожегов: 120].

Существительное *счастье* также может употребляться с глаголами движения: *Счастье пришло; Счастье ушло, Счастье на голову свалилось*; но его персонификация может проявлять отличия. Персонифицированное *счастье* может обладать таким свойством, как слепота: *Слепое счастье*, что свидетельствует, с одной стороны, об иррациональности фортуны, с другой стороны, подчеркивает непредсказуемость, неожиданность: *Счастливый билет*. Причем *счастье* обладает некой мимолетностью, быстротечностью: *Счастливым случаем*. То есть из этого следует, что некоей «нормой» является горькая жизнь человека, а счастье появляется в ней внезапно и ненадолго.

В целом «Счастье» и «Горе» – это понятия, которые обладают сходным для разных культур набором признаков, однако этнокультурные концепты имеют различия в распределении этих признаков. Так, понятие «Счастье» в русской картине мира имеет три составляющих: «состояние души», «удача», «благополучие», что находит отражение в языке: *Счастье в нас, а не вокруг нас; Счастливого пути!; Счастливый случай; Счастливо оставаться!; Не родись красивой, а родись счастливой.*

Что касается горя, то оно в картине мира русского человека может содержательно связываться не только с несчастными событиями в жизни человека, но и с пьянством. Во многих произведениях русских классиков говорится о таком понятии, как «русское пьянство» (то есть типично русская черта). Как автостереотипы (то, что представители данной этнокультуры думают о самих себе), так и гетеростереотипы (то, что о представителях данной культуры думают представители других этнокультур) выделяют эту национальную особенность русского человека. При этом одним из стереотипов русской культуры является восприятие пьянства как нормального состояния мужчины. Водка – национальный русский напиток, который называют «народной бедой», «горьким злом» или просто «горькой». То есть данное понятие подвергается фразеологизации. В этом ключе водка – это и символ России, и символ горя. И *горькой* ее называют не только потому, что она такова на вкус, но и потому, что пьянство приносит много горя русскому человеку, его семье и близким людям. Ассоциативная связь *горе – пьянство* находит отражение в народных речениях, ср.: *Всё пропить* (то есть из-за пьянства человек может все потерять, оказаться в беде); *Горький пьяница; Заливать горе.*

Не случайно в «Повести о Горе и Злосчастье» *горе* не только выступает в качестве мужского персонажа, который чинит препятствия на пути человека. Значимо, что самый красноречивый памятник древнерусской литературы повествует о несчастьях молодого человека, которые начались, когда он предался пьянству.

Таким образом, анализ фразеологических единиц, в которых реализуются представления о счастье и горе и как ключевых эмоциональных состояниях человека позволяет выявить представления русского человека, его ментальные установки, стереотипы, особенности этнокультурной картины мира.

2.2. Фразеологизмы с положительной эмоциональной коннотацией

В нашем материале фразеологизмы группы «эмоциональное состояние лица» делятся на две семантические подгруппы. Фразеологизмы первой подгруппы обладают семой положительной оценки психического состояния человека. Единицы второй подгруппы имеют в своем значении сему отрицательной оценки психического состояния лица. В целом, обе подгруппы фразеологизмов дают общее представление о внутреннем мире человека.

Так, в извлеченном нами из «Фразеологического словаря русского литературного языка» А.И. Федорова [1997] списке фразеологизмов с эмоциональным значением обнаружено 55 единиц с семантикой «горе» («страдание»), 21 – «радость» («удовольствие»), то есть «положительных» ФЕ оказывается в 2,5 раза меньше. Эмоциональные фразеологизмы различных структурных гнезд находятся приблизительно в том же соотношении. Например, эмоциональные фразеологизмы, обозначающие удачу и неудачу, находятся в следующем соответствии: удача – 5, неудача – 22 [ФС, I: 185-192]. Фразеологизмы структурного гнезда «сердце, сердцем» [ФС, II: 231-235] могут обозначать положительные эмоции (удовольствие, радость, интерес) – таких фразеологизмов 5; или отрицательные эмоции (неудовольствие, горе, страдание, страх, тревога) – таких фразеологизмов 35. То есть русская ментальность предполагает наступление скорее плохого, чем хорошего: средств для передачи отрицательных эмоций оказывается намного больше, чем языковых средств для передачи положительных эмоциональных состояний. Таким об-

разом мы должны согласиться с мнением, утверждающим, что удача, радость для русского человека неожиданны, не прогнозируемы его сознанием.

В целом, исходя из анализа данных «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Федорова, было выявлено 55 фразеологических единиц, выражающих положительные эмоции (интерес, удивление, любовь, счастье, радость) и 145 единиц, выражающих отрицательные эмоции (горе, страх, стыд, вину, презрение, гнев, тревогу).

1. Фразеологизмы, выражающие интерес:

- 1) голова горит [ФС, I: 149];
- 2) захватывает дух [ФС, I: 258];
- 3) с замиранием сердца [ФС, I: 250];
- 4) с открытым ртом [ФС, II: 199];
- 5) сердце прыгает [ФС, II: 233];
- 6) хватает за душу (за живое, за сердце) [ФС, II: 342].
- 7) хоть бы одним глазком [ФС, I: 140];

Всего нами выявлено 7 таких фразеологизмов. Все выявленные нами фразеологизмы выражают эмоцию как ярко проявляющуюся, то есть здесь силен экспрессивный компонент, передающий степень выражения эмоции. При этом переживание интереса оказывается связанным с типичными внешними проявлениями: *открытый рот, разгоряченная голова*, или с внутренними ощущениями человека: *сердце как будто прыгает*. Отметим, что проявление интереса в меньшей степени связано с внутренним миром, а потому здесь только в одном случае присутствует лексема сердце как обозначение места средоточия чувств.

2. К потенциальным выразителям положительных эмоций можно отнести и амбивалентные по своему эмоциональному содержанию **ФЕ, выражающие удивление:**

- 1) верить ушам (глазам) [ФС, I: 68];
- 2) во сне не приснится [ФС, II: 149];
- 3) вот как; вот оно как; вот поди ж ты! [ФС, I: 99];

- 4) вытянулось лицо [ФС, I: 353];
- 5) глаза на лоб полезли [ФС, I: 138];
- 6) делать большие глаза [ФС, I: 181];
- 7) диву даваться [ФС, I: 173];
- 8) не верить ни глазам, ни ушам, не поверить глазам и т. д. [ФС, I: 68];
- 9) подумать только! [ФС, II: 109];
- 10) поразить в самое сердце [ФС, II: 128];
- 11) разинуть рот [ФС, II: 181];
- 12) с ума сойти [ФС, II: 213];
- 13) скажи на милость [ФС, II: 240];
- 14) хлопать глазами [ФС, II: 347];
- 15) челюсть отвалилась [ФС, II: 364].

В данной подгруппе насчитывается 15 единиц. Примечательно, что переживание удивления в большей степени отражается на внешнем облике человека (*разинуть рот, хлопать глазами, челюсть отвалилась, вытянулось лицо, делать большие глаза*), чем связано с его внутренними ощущениями. Вероятно, это связано с тем, что трудно охарактеризовать те внутренние ощущения, которые возникают у человека в состоянии удивления, а внешние признаки очевидны.

3. Фразеологизмы, выражающие любовь:

- 1) зазнобить сердце [ФС, I: 245];
- 2) кидаться на шею [ФС, I: 297];
- 3) крутить голову; вскружить голову [ФС, I: 332];
- 4) потерять голову [ФС, II: 133];
- 5) сводить с ума [ФС, II: 223].

Отметим, что, по мнению психологов (Э. Фром и др.), любовь является эмоциональным состоянием, то есть эмоцией по своей сути. Языковое выражение этой эмоции посредством ФЕ связано либо с обозначением действий, производимых влюбленным человеком (*кидаться на шею*), либо с передачей

его внутреннего состояния (*голова кружится, как будто сошел с ума, сердце дрожит, как от холода*). Интересно при этом, что переживание влюбленности в большей мере оказывается связано с областью головы как средоточием разума человека, нежели с сердцем.

4. Фразеологизмы, выражающие ощущение счастья:

- 1) к счастью [ФС, II: 294];
- 2) на верху блаженства [ФС, I: 70];
- 3) родиться в рубашке (под счастливой звездой) [ФС, II: 196];
- 4) счастливая рука [ФС, II: 202];
- 5) счастливый билет [ФС, II: 232];
- 6) счастливый случай [ФС, II: 233].
- 7) устилать жизнь розами [ФС, II: 332];

Таким образом, счастье во фразеологизмах определяется как состояние, когда человек находится словно в раю (*на верху блаженства*), в то же время это состояние скоротечно, счастье – это определенные моменты жизни, когда *судьба* или *фортуна улыбается*. Однако, как это видно из ФЕ, некоторым людям, по представлениям носителей языка, счастье дано в большей степени. Такие люди *родились в рубашке (под счастливой звездой)*, у них *счастливая рука*.

5. Фразеологизмы, выражающие радость и удовольствие:

- 1) без памяти от кого /чего/-либо [ФС, II: 74];
- 2) взыгратья духом [ФС, I: 76];
- 3) вот это да! [ФС, I: 166];
- 4) всякая жилочка играет [ФС, I: 234];
- 5) душа радуется [ФС, I: 222];
- 6) и пошла потеха [ФС, II: 134];
- 7) как живой воды напился [ФС, II: 16];
- 8) как масленый блин; как блин на масленицу [ФС, I: 32];
- 9) кинуть шляпу в /на/ воздух [ФС, I: 298];
- 10) не чуют под собой земли [ФС, II: 376];

- 11) под веселую руку [ФС, II: 207];
- 12) потирать руки [ФС, II: 134];
- 13) прелесть как [ФС, II: 141];
- 14) придется по сердцу [ФС, II: 144];
- 15) разлюли малина [ФС, II: 182];
- 16) с радостью; радует глаз; на радостях [ФС, II: 174];
- 17) себя не слышать /от радости/ [ФС, II: 253];
- 18) сердце выиграло [ФС, II: 231].
- 19) сердце радуется [ФС, II: 233];
- 20) слава богу; слава тебе господи [ФС, II: 245];
- 21) срывать цветы удовольствия [ФС, II: 272];

Из 21 ФЕ, выражающей состояние радости, почти половина (10) передают внутреннее состояние человека, переживающего эту эмоцию: *сердце радуется, не чуют под собой земли* и подоб. Однако только в одном случае ФЕ содержит слово *душа* и в трех – слово *сердце*. В то же время переживание эмоции радости может сравниваться с внешними проявлениями: *как масляный блин; как блин на масленицу; кинуть шляпу в /на/ воздух*, с приятными событиями: *и пошла потеха*.

В целом, можно сделать вывод, что самой большой группой среди положительно «заряженных» ФЕ оказалась группа фразеологизмов, передающих состояние радости (21 единица). Можно полагать, что это состояние для носителей языка является особенно важным. Счастье – это достаточно редкое состояние (7 единиц), любовь – также оказывается малоразработанным во фразеологии эмоциональным состоянием (5 единиц), эмоцию интереса отражают только 7 единиц, но удивление достаточно значимо – 15 ФЕ. По-видимому, наиболее часто переживаемые по сравнению с другими положительными эмоциональными состояниями, эмоции радости и удивления оказываются представленными большим количеством ФЕ.

2.3. Фразеологизмы с отрицательной эмоциональной коннотацией

Самым сильным из отрицательных эмоциональных состояний признается переживание горя. И этот факт находит непосредственное отражение во фразеологии. Так, нами выявлено 56 ФЕ, передающих это состояние.

1. Фразеологизмы, выражающие горе и страдание:

- 1) ад в душе /груди/ [ФС, I: 15];
- 2) ахти мне! [ФС, I: 19];
- 3) беда да и только [ФС, I: 24];
- 4) белый свет не мил [ФС, II: 219];
- 5) вешать голову; повесить головушку [ФС, I: 74];
- 6) вешать нос [ФС, I: 74];
- 7) вынуть сердце, душу [ФС, I: 122];
- 8) гора лежит на душе [ФС, I: 155];
- 9) давит грудь [ФС, I: 173];
- 10) душа болит [ФС, I: 220];
- 11) душа надрывается [ФС, I: 221];
- 12) душа ноет [ФС, I: 222];
- 13) душа разрывается /рвется/ [ФС, I: 222];
- 14) житья не стало [ФС, II: 276];
- 15) защемило на сердце [ФС, I: 259];
- 16) /как/ нож в сердце; как нож острый [ФС, II: 37];
- 17) как потерянный [ФС, II: 133];
- 18) камень на сердце [ФС, I: 289];
- 19) кусок в горло не идет /не лезет/ [ФС, I: 340];
- 20) кусок становится поперек горла [ФС, I: 341];
- 21) ломать руки /пальцы/ [ФС, I: 358];
- 22) мышцы на сердце скребут [ФС, I: 390];
- 23) надрывать душу /сердце/ [ФС, II: 10];
- 24) надсаживать душу [ФС, II: 10];

- 25) не глядел бы ни на что [ФС, I: 143];
- 26) нос на квинту [ФС, II: 39];
- 27) обливаться потом и кровью [ФС, II: 45];
- 28) обрывать сердце [ФС, II: 49];
- 29) поникнуть духом [ФС, II: 123];
- 30) посыпать главу пеплом [ФС, II: 132];
- 31) принимать /близко/ к сердцу [ФС, II: 146];
- 32) рад в петлю [ФС, II: 173];
- 33) разбивать жизнь /сердце/ [ФС, II: 176];
- 34) раздирать душу /сердце/; раздирать на себе ризы [ФС, II: 180];
- 35) растерзать сердце [ФС, II: 190];
- 36) рвать душу [ФС, II: 191];
- 37) рвать на голове волосы [ФС, II: 192];
- 38) с тяжелым /упавшим/ сердцем [ФС, II: 244];
- 39) света белого не видеть [ФС, I: 80];
- 40) сердце изнывает /кровью заливается /обливается/ [ФС, II: 232];
- 41) сердце надрывается /заныло/ [ФС, II: 233];
- 42) сердце рвется пополам /сжалось, защемило/ [ФС, II: 234];
- 43) скребет на душе /на сердце/ [ФС, II: 244];
- 44) травить душу [ФС, II: 311];
- 45) хвататься за голову [ФС, II: 343];
- 46) хватить горя /лиха/ [ФС, II: 344];
- 47) хлебнуть горя /лиха; горячего до слез/ [ФС, II: 347].
- 48) хоть беги [ФС, I: 24];
- 49) хоть в гроб /в могилу/ ложись; ложись да помирай [ФС, I: 356-357];
- 50) хоть в петлю /на стенку/ лезь [ФС, I: 347];
- 51) хоть в петлю залезай [ФС, I: 248];
- 52) хоть вешайся [ФС, I: 74];
- 53) хоть волком вой [ФС, I: 91];

- 54) хоть головой об стену [ФС, I: 25];
- 55) хоть караул /криком/ кричи [ФС, I: 329];
- 56) хоть пулю в висок /лоб/ [ФС, II: 166].

Это самая большая подгруппа в ряду ФЕ, выражающих отрицательное эмоциональное состояние. В данной подгруппе 12 ФЕ содержат лексему *душа* и 13 ФЕ содержат слово *сердце*. Это достаточно высокий показатель, позволяющий утверждать, что переживание горя связано с областью сердца, души, то есть горе поселяется в сердце, в душе как главных эмоциональных центрах человека.

2. Фразеологизмы, выражающие гнев:

- 1) вот еще новости! [ФС, I: 98];
- 2) вращать глазами /белками/ [ФС, I: 102];
- 3) выйти из себя /из равновесия; из терпения/ [ФС, I: 131];
- 4) грызть зубы [ФС, I: 165];
- 5) доводить /доходить/ до белого каления [ФС, I: 207];
- 6) злость берет [ФС, I: 263];
- 7) изливать желчь [ФС, I: 278];
- 8) кровь бросилась в голову [ФС, I: 329];
- 9) лезть на стену [ФС, I: 347];
- 10) лопаться от злости [ФС, I: 360];
- 11) метать громы и молнии /искры; перуны/ [ФС, I: 376];
- 12) наливаться кровью [ФС, II: 14];
- 13) под горячую /сердитую/ руку [ФС, II: 207 – 208];
- 14) позеленеть от злости /от ярости/ [ФС, II: 111];
- 15) рвать и метать [ФС, II: 192];
- 16) с безумных глаз [ФС, I: 137];
- 17) с пеной у рта [ФС, II: 78];
- 18) с сердцем [ФС, II: 234];
- 19) сердце /душа/ закипело /кипит/ [ФС, II: 232];

- 20) скрежет зубовный; скрежетать зубами; скрипеть зубами [ФС, II: 244];
- 21) со зла [ФС, I: 263];
- 22) сорвались тормоза [ФС, II: 208];
- 23) срывать сердце /на ком-либо/ [ФС, II: 272];
- 24) становиться на дыбы [ФС, II: 277];
- 25) точить нож /зубы/ [ФС, II: 209].

Второй по количеству составляющих единиц оказалась группа ФЕ, выражающих гнев (25 единиц). Это может свидетельствовать о достаточной частоте переживания этого эмоционального состояния носителями языка. При этом гнев гнездится в сердце (душе), а потому *сердце (душа) от гнева кипит, сердце срывают*. В то же время гнев проявляется в агрессивных действиях: *рвать и метать, становиться на дыбы* (метафорически: лошадь, вставшая на дыбы > разгневанный человек), *лезть на стену, скрежет зубовный; скрежетать зубами; скрипеть зубами*; а также – имеет физиологические «показатели»: *кровь бросилась в голову, вращать глазами /белками/, грызть зубы*.

3. Фразеологизмы, выражающие тревогу:

- 1) бередить душу /кровь/ сердце [ФС, I: 25];
- 2) бросает в жар /то в жар, то в холод/ [ФС, I: 52];
- 3) бросило в /холодный/ пот [ФС, I: 54];
- 4) в растрепанных чувствах [ФС, II: 374].
- 5) голова ходором ходит [ФС, I: 149];
- 6) действовать на нервы [ФС, I: 180];
- 7) душа горит [ФС, I: 220];
- 8) душа не на месте [ФС, I: 221];
- 9) забирает за душу /сердце/ живое/ [ФС, I: 232];
- 10) задеть за живое /за сердце/ [ФС, I: 244];
- 11) заскребло /засосало/ на сердце [ФС, I: 255];
- 12) как на горячих углях [ФС, II: 321];

- 13) как на иголках [ФС, I: 269];
- 14) кидает в жар /пот/ [ФС, I: 297];
- 15) кошки скребут на душе [ФС, I: 325];
- 16) на взводе [ФС, I: 75];
- 17) не находить себе места [ФС, II: 20];
- 18) подступать к горлу [ФС, II: 109];
- 19) портить/себе/кровь [ФС, II: 130];
- 20) сам не свой [ФС, II: 213];
- 21) сердце горит [ФС, II: 232];
- 22) сердце не на месте [ФС, II: 233];

Почти не уступает предыдущей группа ФЕ, выражающих тревогу (22 ФЕ). Вероятно, это говорит о высокой тревожности русской нации. У русского человека часто *сердце не на месте, душа в растрепанных чувствах*, он чувствует себя *как на горячих углях*. При этом тревога «поселяется в сердце (7 ФЕ), в душе (3 ФЕ) и проявляется как внешне: *не находить себе места, быть как на иголках*, так и внутренне: *бросает в жар /то в жар, то в холод*.

4. Фразеологизмы, выражающие страх:

- 1) без памяти [ФС, II: 74];
- 2) бояться тележного скрипа [ФС, I: 41];
- 3) бросает в дрожь [ФС, I: 52];
- 4) волосы дыбом [ФС, I: 94];
- 5) волосы шевелятся [ФС, I: 94];
- 6) дрожать как (осиновый) лист [ФС, I: 216];
- 7) душа в пятках [ФС, I: 220];
- 8) душа уходит в пятки [ФС, I: 223];
- 9) захолонуло на душе /сердце/ [ФС, I: 258];
- 10) кровь стынет в жилах (леденеет; хладеет) [ФС, I: 329];
- 11) лица нет [ФС, II: 28];
- 12) мороз по коже /по спине/ дерет [ФС, I: 385];
- 13) небо с овчинку кажется [ФС, II: 22];

- 14) ни жив ни мертв [ФС, I: 232];
- 15) обдало жаром; /словно/ кипятком обдало [ФС, II: 43];
- 16) обливаться холодным потом [ФС, II: 45];
- 17) поджилки дрожат/трясутся/ [ФС, II: 103];
- 18) праздновать труса [ФС, II: 138];
- 19) сердце в пятки уходит [ФС, II: 231];
- 20) сердце екнуло /дрожит, замирает, зашлось, захолонуло/ [ФС, II: 232];
- 21) шары на лоб вылезли [ФС, II: 380].

Следующей по количеству ФЕ явилась группа фразеологизмов, выражающих эмоцию страха (21 единица). Это высокий показатель, который говорит о том, что страх – это сильное эмоциональное состояние, проявления которого разнообразны: человек в состоянии страха может обливаться холодным потом, быть словно без памяти, его сердце уходит в пятки, екает, дрожит, замирает, заходится, застывает; кровь стынет в жилах, на человеке нет лица и т.д. То есть здесь вовлекаются как внутренние ощущения, так и внешние проявления страха. Примечательно, что ФЕ отражают физиологические реакции на страх: *волосы встают дыбом, шевелятся, глаза вылезают из орбит*. В то же время переживание страха вновь оказывается связанным с эмоциональными центрами человека – сердцем, душой. Так, слово сердце включено в целый вариативный ряд ФЕ: *сердце екнуло /дрожит, замирает, зашлось, захолонуло*. При этом сердце и душа как бы покидают свои «нормальные» области расположения и перемещаются вниз – *уходят в пятки*.

5. Фразеологизмы, выражающие презрение:

- 1) видал в гробу <в белых тапочках> [ФС, I: 78];
- 2) видали и не таких [ФС, I: 78];
- 3) воротить нос [ФС, I: 97];
- 4) высоко нести нос [ФС, II: 26];
- 5) глядеть сверху вниз [ФС, I: 143];
- 6) нос кверху [ФС, II: 39];

- 7) облить презрением [ФС, II: 45];
- 8) поднять нос [ФС, II: 105];
- 9) показывать язык [ФС, II: 114];
- 10) руки в боки [ФС, II: 205];
- 11) смотреть сверху вниз /свысока/ [ФС, II: 256].

ФЕ, выражающие презрение, составили 11 единиц. Презрение проявляется в большинстве случаев внешне: *воротить нос, глядеть сверху вниз* и т.д. В то же время презрение осмысливается как жидкость: *облить презрением*. ФЕ, выражающие презрение, свидетельствуют о том, что презрение не затрагивает сердце или душу, в отличие от гнева, страха и др., а потому лексемы сердце и душа здесь отсутствуют.

6. Фразеологизмы, выражающие стыд:

- 1) /не знать/ куда глаза девать [ФС, I: 179];
- 2) готов сквозь землю провалиться [ФС, I: 160];
- 3) к стыду [ФС, II: 290];
- 4) как береста на угольях [ФС, I: 26];
- 5) сгореть от стыда [ФС, II: 225];
- 6) уши горят [ФС, II: 337].
- 7) хоть под стол залезай [ФС, I: 248];

Нами выявлено 7 ФЕ, выражающих состояние стыда. Ряд из них свидетельствуют о том, что эмоция стыда переживается как «горение»: *как береста на угольях, сгореть от стыда, уши горят* (это отражение как внутреннего состояния человека, так и внешнего – от стыда он краснеет). В то же время человек от стыда боится смотреть людям в глаза и даже готов провалиться сквозь землю. То есть эмоциональное состояние стыда сопровождается эмоцией страха: человек боится осуждения.

7. Фразеологизмы, выражающие вину:

- 1) носить грех на душе [ФС, II: 40];
- 2) приносить повинную голову [ФС, II: 148];
- 3) совесть заговорила /зазрила/ [ФС, II: 262];

4) укоры совести [ФС, II: 325].

К группе, фразеологизмов, выражающих стыд, примыкает группа, выражающая эмоцию вины. При этом вина осознается как ощущение греха, который осмысливается как тяжелая ноша: *носить грех на душе*. В то же время, в отличие от стыда, в основном имеющего внешние проявления, вина поселяется именно в душе, где живет совесть. Совесть молчит, когда человек чист, и говорит, когда он виноват: *совесть заговорила /зазрила/, укоры совести*.

Таким образом, семантический анализ ФЕ, выражающих эмоции, позволяет сделать вывод о наиболее значимых для носителей языкового сознания и культуры эмоциональных состояниях, а также соотнести их с областью средоточия эмоций и с внешними проявлениями того или иного эмоционального состояния.

§2.4. Многозначные эмоциональные фразеологизмы

Однозначно – вне контекста – определить конкретную эмоциональную модальность фразеологизма зачастую бывает затруднительно. Отношение «эмоция – значение фразеологизма» представляется как динамическое единство, осложненное разного рода семантическими и прагматическими напластованиями. Иными словами, один и тот же фразеологизм иногда может соотноситься с несколькими несхожими и далекими друг от друга эмоциями. Такие фразеологизмы называют *многозначными*.

В словаре А.И. Федорова мы выявили 17 таких фразеологизмов (без учета вариантов):

1. а вот на тебе! вот так на; вот так история; вот так номер /раз/ шутка/ [ФС, I: 98] (удивление, разочарование);
2. ахать да охать; аханьки и охоньки [ФС, I: 19] (тревога, восхищение, горе-страдание);
3. батюшки светы! [ФС, I: 22] (недоумение, удивление, изумление, страх);

4. бог /боже/ ты мой! [ФС, I: 35] (раздражение, удивление, восторг, негодование);
5. вгонять в пот [ФС, I: 64] (страх, волнение, расстройство);
6. как вам /это/ понравится (возмущение, негодование, удивление) [ФС, II: 117];
7. кровь бросилась в лицо [ФС, I: 329] (стыд, страх, гнев).
8. на тебе [ФС, II: 5] (удивление, недоумение, досада);
9. не взвидеть света божьего [ФС, I: 75] (страх, горе-страдание);
10. не находить слов [ФС, II: 20] (тревога, радость, смущение);
11. ну и ну! ай да ну! [ФС, II: 41] (удивление, восхищение, порицание);
12. ой да ну! [ФС, II: 54] (удивление, восхищение, порицание);
13. пожать плечами [ФС, II: 110] (недоумение, пренебрежение, удивление);
14. пронзть душу [ФС, II: 158] (стыд, обида);
15. с замирающим сердцем [ФС, II: 234] (тревога, радость);
16. скажи пожалуйста! [ФС, II: 240] (удивление, негодование, гнев);
17. словно ножом резануть по сердцу [ФС, II: 193] (жалость, тревога, горе).

В частности, как видим, всегда многозначны междометные восклицания, а также фразеологизмы, включающие такие элементы, как *аханьки*, *охоньки*. У таких ФЕ эмоциональность комплексная, поддерживаемая эмоциональной семантикой звуков и интонацией.

Об этом явлении, в частности, пишет И.И. Синельникова, анализируя фразеологизмы, выражающие смех и удивление: «Состояния, входящие в данное субполе («Смех» и «Удивление»), характеризуются как двувалентные, то есть способные выступать как положительные и как отрицательные. Дувалентные ЭС отличаются от амбивалентных тем, что амбивалентность заключается в одновременном проявлении двух состояний, например: любить и ненавидеть, плакать и смеяться. Дувалентность состоит в том, что одно то же состояние может проявляться по-

разному: как положительное и как отрицательное в зависимости от эмоциональной ситуации» [Синельникова 2013: 96-97].

«Удивление представляет собой состояние, переживая которое, человек сталкивается с необычным, странным или непонятным явлением или событием. Психологи относят его к нейтральным эмоциям, таким, как спокойствие, интерес, равнодушие [Лук 1982: 24]. Однако одним из признаков обобщенного семантического прототипа удивления принято считать склонность человека к положительной оценке этого состояния при его общем нейтральном характере [Дорофеева 2002: 6].

Удивление, являясь состоянием, вызываемым странностью, необычностью, непонятностью, неожиданностью, может приобретать такие сопутствующие характеристики, как сомнение и возмущение. Тогда оно приобретает отрицательный оценочный компонент и тяготеет к отрицательной эмоции. Удивление сопровождается различными ощущениями и переживаниями. В этом состоянии человек может испытывать как положительные эмоции (радость, восторг), так и отрицательные (страх, гнев). Таким образом, имея дополнительную эмоциональную нагрузку, проявляющуюся ситуативно, удивление может быть приятным или неприятным, то есть положительным или отрицательным, что и составляет особенность данного ЭС» [Синельникова 2013: 97].

«Микрополе «Смех» Смех является одним из проявлений счастья и радости. В основе смеха как психологического явления лежит телесная и душевная реакция человека на определенные факторы внешнего мира. По своей природе смех уникален. Он является отличительным свойством человека» [Бахтин 1990: 80]. М.М. Бахтин выделяет три источника смеха, таких, как: гиппократовская философия смеха, учение Аристотеля о смехе и образ смеющегося в загробном царстве, созданный Лукианом. Они раскрывают значение и ценность данного явления, определяют его как универсальное, мирозерцательное начало, признают за этой эмоцией положительное, возрождающее, творческое значение» [Бахтин 1990: 80].

Смех может быть различным по своей природе. Он может быть веселым и грустным, умным и глупым, добрым и злым, саркастическим, враждебным, нервным, животным и т.д. И в группе фразеологизмов, выражающих эмоциональные состояния человека, связанные со смехом, эмоция может обладать как положительной, так и отрицательной коннотацией. Этот смех может проявляться с разной степенью силы: от улыбки до хохота: *расплываться от удовольствия, покатиться со смеху*.

При этом, как и все прочие ФЕ, фразеологизмы, передающие эмоцию смеха, носят этнокультурный, национальный характер. Например, вот что пишет кандидат филологических наук Александр Васильевич Зеленин (Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)) по поводу выражения смеяться исподтишка: «Вам знакома фраза *смеяться (смех) исподтишка*, которая значит «смеяться украдкой, скрытно, втихомолку». Одни считают это словосочетание фразеологизмом (точнее – фразеологическим сочетанием), другие – обычным свободным сочетанием лексем, в котором используется «застывший» и ныне свободно не употребляющийся компонент *исподтишка*. Поэтому не все фразеологические словари включают ее в свой состав, не видя в данном словосочетании образности (метафоричности) и фразеологической связанности компонентов.

Русское слово *исподтишка* — довольно новое в русском языке. Этимологические словари считают его «собственно-русским». Доказать собственно-русское происхождение данного наречия несложно, достаточно сопоставить несколько славянских языков. Русское *исподтишка* в них передается так: польск. *sihaczem, ukradkiem* ; чеш. *potají, pokradmi*; сербскохорв. *кришом, крадом, потајно*; укр. *скрытно, скрыто, потайки, крадькома, покрадьки, нищечком*. Славянские языки для обозначения этого понятия используют слова с семантикой «тайно, украдкой, скрытно», то есть за основу взято зрительное (визуальное) представление о совершаемом действии; русский язык использовал слово с семантикой «ти-

хий, тихо», то есть в основе лежит слуховое представление. Возможно, развитие семантики исконного значения наречия *исподтиха* «тихо, медленно» к современному значению «урадкой, незаметно» произошло под влиянием родственных славянских языков, в первую очередь польского и украинского.

В языке XVIII века это наречие использовалось очень широко: орфографическая неустойчивость приводила к обилию вариантов — *исподтиха, изподтиха, испоттиха, из подтиха, из под тиха, из-подтиха*. К концу XVIII в. в языке фиксируется и современное оформление наречия — *исподтишка*.

...Русскому *смеяться исподтишка* во французском языке соответствует ... фразеологизм *rire sous cape* «букв. – смеяться под мантией, плащом»; в английском – *to laugh in one's sleeve* «букв. – смеяться в рукав кого-л.».

...Семантика английского и французского выражений языковыми средствами «отражает» особенности скрываемого смеха, культурно-исторически обусловленные и в дальнейшем закрепленные во фразеологии: французы прятали смех, прикрыв рот мантией, накидкой; англичане прыскали, сдерживая смех, в рукав. Однако эти фразеологизмы не оказали влияния на русскую фразеологическую систему <...>

Таким образом, в синонимическом наборе рассмотренных фразеологизмов собственно-русским оказывается словосочетание *смеяться исподтишка*, общеславянским – *смеяться в усы*, калькированными из немецкого *смеяться в кулак*, из французского (или немецкого) *смеяться в бороду*. Каждый является своеобразным языковым зеркалом, отражающим представления о подавленном или неявном, скрытом смехе: у русских в основе лежат звуковые ассоциации, у других славянских народов – части лица, у немцев и французов – части лица и тела, у французов и англичан – одежда или ее детали» [Зеленин 2003].

Слово *исподтишка* можно считать стилистически сниженным: оно является элементом разговорного языка, и эта стилистическая специфика распространяется на фразеологизм в целом. Кроме того, здесь угадывается неодобрительность, осуждение такого смеха, который противопоставлен открытому (честному, не за спиной) смеху. Следовательно, фразеологизм не только имеет денотативное значение, синонимичное значению глагола *смеяться*, но выступает как эмоциональный фразеологизм на уровне коннотативного значения (отрицательная эмоция осуждения, неприятия).

Как пишет Н.Н. Волкова, «деление эмоциональных состояний на положительные и отрицательные связано с удовлетворением или неудовлетворением потребностей человека. Поэтому они классифицируются не по нравственному признаку, а сообразно понятиям «приятное / неприятное»» [Волкова 2005: 19].

«Способность смеха выступать в качестве положительного или отрицательного эмоционального состояния обусловлена самой природой человека, возможностью смеяться даже в неподходящей ситуации. В таком случае говорят о вынужденном смехе, о *смехе сквозь слезы*, и смех как эмоциональное состояние приобретает отрицательную модальность» [Синельникова 2013: 101-105].

Таким образом, можно говорить о существовании парадигматических отношений в системе ФЕ, подобных отношениям между ЛСВ многозначного слова.

В этом ключе фразеологизмы также сближаются с символами, одним из признаков которых является многозначность, расплывчатость содержательных границ [Маслова 2001: 98].

В отношении многозначных эмоциональных фразеологизмов расплывчатость их содержания связана с самой сутью эмоции. Как мы уже отмечали, эмоциональные переживания зачастую носят неоднозначный характер: один и тот же объект может восприниматься по-разному разными

носителями языка и вызывать в них различные эмоциональные отклики. Эта амбивалентность семантики ФЕ обычно вызвана не только специфической и сложностью самих воспринимаемых объектов, но и сложностью самих эмоциональных переживаний человека (так, человек может одновременно испытывать гнев и стыд). Амбивалентность, по мнению Д.А. Романова и других исследователей, также может быть следствием противоречия между привычным восприятием объекта и ситуативным (так, например, любовь и ненависть при ревности могут совмещаться, а смех может быть злым, неловким или удивленным).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение фразеологии важно для познания самого языка, так и культуры народа. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных фразеологии, интерес специалистов к этой области не угасает. В частности, это касается эмотивного компонента значения фразеологизмов.

Фразеологизмы воздействуют не только на воображение слушающего, но и на его эмоциональное состояние, заставляя его *переживать* сказанное, то есть испытывать определенные эмоции. В то же время сами фразеологизмы выступают выразителями эмоциональных состояний человека.

Несмотря на общность и общечеловеческий характер эмоций, языковые средства, служащие для их выражения, отражают особенности конкретного национального менталитета. Все это находит отражение во фразеологическом фонде, который всегда национально и культурно специфичен.

Несмотря на то, что эмоционально-экспрессивная оценка фразеологизмов, казалось бы, не связана с употреблением фразеологизмов в определенных стилях речи, некоторые фразеологизмы сопровождаются в словарях пометами *шутл.*, *пренебр.*, *ирон.*, *неодобр.*, *бран.* и др. Однако постановка таких помет уже демонстрирует попытку составителей словарей практически решить вопрос о выявлении и маркировании эмоционально-экспрессивной окраски и культурной коннотации фразеологизмов. Однако такие пометы присутствуют далеко не всегда, поэтому во многом здесь приходится опираться на собственное языковое чутье.

Как показал материал, фразеологизмы, репрезентирующие то или иное эмоциональное состояние, делятся на две семантические подгруппы. Фразеологизмы первой подгруппы обладают семой положительной оценки психического состояния человека. Единицы второй подгруппы имеют в своем значении сему отрицательной оценки психического состояния лица. В целом, обе подгруппы фразеологизмов дают общее представление о внутреннем мире человека.

Так, извлеченные нами из словаря А.И. Федорова фразеологизмы с отрицательным эмоциональным значением «горе» («страдание») составили 54 единицы, а ФЕ со значением «радость» («удовольствие») – 21, то есть в 2,5 раза меньше, что уже показательно в контексте описания национальной картины мира.

В прочих группах фразеологизмов прослеживается та же тенденция: «положительные» эмоциональные ФЕ уступают в количественном отношении «отрицательным». В частности, эмоциональные фразеологизмы, включающие в свой компонентный состав лексему *сердце* [П, 231-235], могут обозначать как положительные эмоции (удовольствие, радость, интерес), так и отрицательные (неудовольствие, горе, страдание, страх, тревога), при этом количество «положительных» эмоциональных фразеологизмов (5 ФЕ) здесь значимо уступает количеству «отрицательных» (35 ФЕ), ср.: *на сердце легко, сердце не на месте, на сердце тревога* и т.д.

Таким образом, в русской картине мира скорее прогнозируется плохое, нежели хорошее, русский человек ожидает скорее страдания и тягот, нежели радости, чему, вероятно, можно найти экстралингвистическое – историко-культурное – объяснение.

В целом нами было выявлено 55 фразеологических единиц, выражающих положительные эмоции (интерес, удивление, любовь, счастье, радость) и 145 единиц, выражающих отрицательные эмоции (горе, страх, стыд, вину, презрение, гнев, тревогу).

При этом переживание интереса (7 ФЕ) оказывается связанным с типичными внешними проявлениями – *открытый рот, разгоряченная голова*, или с внутренними ощущениями человека – *сердце как будто прыгает*. Отметим, что проявление интереса в меньшей степени связано с внутренним миром, а потому здесь только в одном случае присутствует лексема *сердце* как обозначение места средоточия чувств.

Переживание удивления (15 ФЕ) в большей степени отражается на внешнем облике человека (*вытянулось лицо, делать большие глаза, разинуть*

рот, хлопнуть глазами, челюсть отвалилась), вербализации эмоции здесь фиксирует внешние проявления, а не внутренние ощущения человека. Вероятно, это связано с тем, что трудно охарактеризовать те внутренние ощущения, которые возникают у человека в состоянии удивления, а внешние признаки очевидны. Но на уровне культурной коннотации эмоциональная семантика, безусловно, присутствует, и носитель языка, несомненно, понимает, что, когда о человеке говорят, что *он рот раскрыл*, то это означает 'он удивился'.

Переживание влюбленности в большей мере оказывается связано с областью головы как средоточием разума человека, нежели с сердцем: *потерять голову*. В целом только 5 ФЕ отражают состояние любви, влюбленности: *кружить голову, сводить с ума* и др.

Счастье (7 ФЕ) во фразеологизмах определяется как состояние, когда человек находится словно в раю (*наверху блаженства*), в то же время это состояние скоротечно, счастье – это определенные моменты жизни, когда *судьба* или *фортуна улыбается*.

Самой большой группой среди положительно «заряженных» ФЕ оказалась группа фразеологизмов, передающих состояние радости (21 единица). Можно полагать, что это состояние для носителей языка является особенно важным.

Самым сильным из отрицательных эмоциональных состояний признается переживание горя. И этот факт находит непосредственное отражение во фразеологии. Так, нами выявлено 55 ФЕ, передающих это состояние. В данной подгруппе 12 ФЕ содержат лексему *душа* и 13 ФЕ содержат слово *сердце*. Это достаточно высокий показатель, позволяющий утверждать, что переживание горя связано с областью сердца, души.

Второй по количеству составляющих единиц оказалась группа ФЕ, выражающих гнев (25 единиц). Это может свидетельствовать о достаточной частоте переживания этого эмоционального состояния носителями языка. Гнев проявляется в агрессивных действиях: *рвать и метать, становиться*

на дыбы (метафорически: лошадь, вставшая на дыбы > разгневанный человек), скрипеть зубами; а также – имеет физиологические «показатели»: кровь бросилась в голову, вращать глазами (белками), грызть зубы.

Почти не уступает группа ФЕ, выражающих тревогу (22 ФЕ). Вероятно, это говорит о высокой тревожности русской нации. У русского человека часто сердце не на месте, душа в растрепанных чувствах.

Группа фразеологизмов, выражающих эмоцию страха (21 единица), также имеет высокий показатель, который говорит о том, что страх – это сильное эмоциональное состояние, проявления которого разнообразны: человек в состоянии страха может обливаться холодным потом, быть словно без памяти, его сердце уходит в пятки, екает, дрожит, замирает, заходится, застывает; кровь стынет в жилах, на человеке нет лица и т.д. При этом сердце и душа как бы покидают свои «нормальные» области расположения и перемещаются вниз – уходят в пятки.

ФЕ, выражающие презрение, составили 11 единиц. Презрение проявляется в большинстве случаев внешне: воротить нос, глядеть сверху вниз и т.д. В то же время презрение осмысливается как жидкость: облить презрением.

Нами выявлено 7 ФЕ, выражающих состояние стыда. Ряд из них свидетельствуют о том, что эмоция стыда переживается как «горение»: как берега на угольях, сгореть от стыда, уши горят (это отражение как внутреннего состояния человека, так и внешнего – от стыда он краснеет).

Вина осознается как ощущение греха, который осмысливается как тяжелая ноша: носить грех на душе. В то же время, в отличие от стыда, в основном имеющего внешние проявления, вина поселяется именно в душе, где живет совесть. Совесть молчит, когда человек чист, и говорит, когда он виноват: совесть заговорила /зазрила/, укоры совести.

Одну и ту же эмоцию могут нести различные ФЕ, ср. счастливый случай и счастливый билет. В то же время один и тот же фразеологизм может репрезентировать более одного эмоционального состояния, например: вот тебе на! (радостное удивление или разочарованность). Такое явление ква-

лифицируются как многозначные фразеологизмы. При этом значения фразеологизма могут быть даже противоположными (как в в приведенном нами примере), и тогда говорят об амбивалентности эмоционального фразеологизма.

Таким образом, можно говорить о существовании парадигматических отношений в системе ФЕ, подобных отношениям между ЛСВ многозначного слова, ср.: *вгонять в пот* [ФС, I: 64] (страх, волнение, расстройство).

В целом проведенное нами исследование показывает, что фразеологизмы, в том числе – так называемые эмоциональные фразеологизмы, предстают как значимые элементы языковой картины мира, отражающие особенности национального менталитета, культуры, истории, уклада жизни народа.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Языковое сознание и лингвокультурология образной идиоматики // Фразеология и миропонимание народа: Мат-лы Международной научной конференции. В 2-х ч. Ч.1. Фразеологическая картина мира. – Тула, 2002. – С.5-12.
2. Апресян В.Ю., Ю.Д. Апресян. Метафора в лексикографическом толковании эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С.27-35.
3. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора : (синтаксис и лексика) / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика: [сб. ст.] / Ин-т рус. яз. АН СССР. – М., 1979. – С. 147-174.
4. Арутюнова Н.Д. Истина и судьба (к проблеме текстообразования) / Н.Д.Арутюнова // Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 616-680.
5. Арутюнова Н.Д. Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. – 320 с.
6. Бабенко Е. В. Фразеосемантическое поле эмоций : дис.... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2003. – 159 с.
7. Байрамова Л. К. Аксиологизм человеческих эмоций (смех – плач) и его отражение в языке // Филологические науки. – 2006. – № 1. – С. 81-89.
8. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М. : Худож. лит., 1990. – 541 с.
9. Вакуров В.Н. Развитие эмоциональных значений и полиэмоциональность фразеологических единиц // Филологические науки. – 1991. – № 6. – С. 74-82.
10. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С.140-161.

11. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк., 1972. – 615 с.
12. Виноградов В.В. Фразеология. Семасиология // Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М. : Наука, 1977. – С.118-140.
13. Волкова Н.Н. Эмотивные фразеологизмы в русском и польском языках // Язык и национальное сознание: межвуз. науч. сб. / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2005. – Вып. 7. – С. 99-102.
14. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте / под ред. В.Н. Телия. АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1988. – С. 52-65.
15. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
16. Гак В.Г. Национально-культурная специфика фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры: по материалам междунар. симпоз., Москва, 8-10 июня 1998 г. / отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1999. – С. 260-268.
17. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. – М.: Изд. центр «Академия», 1998 . – 432 с.
18. Гуревич А. Я. Национально-культурная специфика в языке // Вопросы языкознания. – 1997. – № 7. – С. 7-37.
19. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71-93.
20. Додонов Б. И. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности // Вопросы психологии. – 1975. – № 6. – С. 21-33.
21. Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале рус. и англ. яз.) : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.20. / Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2002. – 19 с.
22. Жельвис В.И. Уроки Библии: заметки психолингвиста // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Перемена, 1996. – С. 201-204.
23. Журавлев А.П. Звук и смысл. Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: «Просвещение», 1991. – 173 с.

24. Зеленин А.В. Русский смех исподтишка. А как смеются другие народы?... – 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/ryzr/rzr2002-02/28_374
25. Изард К.Э. Эмоции человека. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 439 с.
26. Имшинецкая И. Креатив в рекламе. Серия «Академия рекламы» – М.: РИП-холдинг, 2005. – 174 с.
27. Кашина И.В. Фразеологизмы со значением удивления в современном русском языке // Русский язык в школе. – 1981. – № 2. – С. 80-85.
28. Кириллова Н.Н. О денотате фразеологической семантики // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 82-90.
29. Кошарная С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2003. – 288 с.
30. Крюгер Ф. Сущность эмоционального переживания // Психология эмоций: тексты / под ред. В. К. Вилюнаса. – М., 1984. – С. 108-119. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.psyoffice.ru/8/psychology/book_o255_page_7.html
31. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики : учеб. для студентов вузов. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
32. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. А.Н. Марковой. – М., 2003. – 320 с.
33. Логический анализ языка: Язык и время / РАН. Ин-т языкознания // Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – 351 с.
34. Лук А.Н. Эмоции и личность. – М.: Знание, 1982. – 176 с.
35. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
36. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.

37. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2002. – 60 с.
38. Психология. Словарь. / Общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. – М.: 2006. – 494 с.
39. Романов Д. А. Психолингвистическое обоснование эмоциональной идентификации // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 78-97.
40. Романов Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований :На материале русского языка. Автореф. диссертации доктора филологических наук по специальности 10.02.01, 10.02.19. – Белгород, 2004. – 48 с.
41. Синельникова И.И. Эмотивные фразеологизмы французского языка в полевом аспекте: моногр. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 188 с.
42. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
43. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Отв. ред. А. А. Уфимцева. АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1986. – 141 с.
44. Телия В.Н. Русская фразеология : семант., прагмат. и лингвокультуролог. аспекты. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.
45. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 674-684.
46. Федосюк Ю.А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. – М., 1992. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/353205-russkie-familii-populyarnij-eetimologicheskij-slovar.html>
47. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1985. – 160 с.

48. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 7-13.

Список источников и словарей

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4. – М.: Русский язык, 1981-1982.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка . 57000 слов. 20-е изд., стер. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1988. – 748 с.
3. Словарь синонимов русского языка. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1995. – 1385 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. — М.: «Аст». Астрель, 2004.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2-х тт. / Составитель А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х томах. – М.: Русский язык, 1994.